

ПОТУСГОРОННЕЕ

ОНО СУЩЕСТВУЕТ

АННА ОДИНЦОВА

СЕРАЯ МАТЬ

*Рукопись
года*

Потустороннее (АСТ)

Анна Одинцова

Серая мать

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Одинцова А. К.

Серая мать / А. К. Одинцова — «Издательство АСТ»,
2023 — (Потустороннее (АСТ))

ISBN 978-5-17-161509-3

Мать слышит твои мысли. Знает твои страхи. И никогда не отпустит тебя. Студенткамедик Олеся обнаруживает, что не может выйти на улицу. Ни она сама, ни неожиданно свалившийся на голову гость, ни соседи – никому не удастся покинуть хотя бы этаж, на котором они живут. И, пока каждый цепляется за свой маленький привычный мирок, мир вокруг начинает незаметно и необратимо портиться. Тускнеть. Осыпаться бетонной крошкой, обращаться прахом и пылью, туманом и серостью. А потом из серости является она – Серая Мать. Бескомпромиссный капсульный психологический триллер, действие которого разворачивается в замкнутом пространстве ничем вроде бы не примечательного дома.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-161509-3

© Одинцова А. К., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Задолго до	8
Накануне	10
Субботнее утро	27
Внутри	40
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Анна Константиновна Одинцова

Серая мать

© Одинцова А. К., текст, 2024

© Бигаева Д. Ю., обложка, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Задолго до

Ты должен.

Иначе не спасешься.

Ты ведь знаешь это.

Да, Анатолий Сергеевич знал. И потому протянул ей свою ношу. Жадные серые пальцы сжали плечи Светика и почти без усилия забрали трехлетнюю дочь у него из рук. Горящие ладони все еще чувствовали изгибы исхудавшего детского тела. Складочки давно не стиранной одежды словно отпечатались на коже. Жгли. Призывали действовать.

Но все, что он мог, – это склонить голову и бухнуться коленями в песок посреди полумрака пещеры, полной выступов и сводчатых впадин. Пасмурный оловянный свет, сочащийся от входа, тек над песчаными волнами, наполняя тенями большие и малые каверны, касался жесткой чешуйчатой кожи существа напротив.

Серая Мать – так она себя называла. Анатолий Сергеевич не знал почему. О ее детях он тоже ничего не знал. Не хотел знать. Догадывался только, что они есть, раз она – Мать. Может, потому она и забрала Светика? У ребенка ведь должна быть мать... Или уже есть? Или...

Мысли путались. От них болела голова и делалось страшно. Именно от них, от мыслей. Ему вдруг отчаянно захотелось убежать. Вырвать Светика из этих серых лап, прижать к себе и бежать куда глаза глядят, чем дальше, тем лучше!

Но, даже сгорбившись, уродливая Серая Мать возвышалась над взрослым мужчиной почти на полметра. Ему, разбитому, ослабшему от голода, побег не по силам. Он не смог бы. Он откуда-то знал, что справиться с ней невозможно.

– Толенька, не надо! – умоляла Маша, червем извиваясь в пылящем от каждого движения песке. – Толенька, я прошу тебя! Толенькааа...

Кричать и плакать – вот все, что оставалось сейчас его жене. Серая Мать велела связать ее, и Анатолий Сергеевич подчинился. Запястья Маши он стянул ремнем, вытасненным из мятых брюк, а ноги – своей засаленной, истрепавшейся рубашкой. Ничего другого у него с собой не было. Серая Мать не приказала ему захватить что-то с собой. Просто распорядилась привести их сюда, в Колыбель. Сказала, что он сможет спастись, если приведет их. А он очень хотел спастись. Больше всего на свете. Он думал об этом каждый час, каждую минуту, с тех пор как оказался здесь. И Серая Мать пообещала ему это.

Теперь ее рука, длинная и узловатая, как ветка старого дерева, прижимала Светика к килевидной груди. Дочка свисала безвольной куклой, и от этого зрелища что-то опять рвалось внутри у Анатолия Сергеевича, но уже так глубоко, что он едва ощущал это. На поверхности все было спокойно. Ладони остыли. Он не должен был бояться за Светика. Она наверняка сейчас видит сны. Серая Мать умеет вызывать хорошие сны.

Большая голова с выпуклыми бельмами глаз повернулась в сторону кричащей и бьющейся в пыли Маши. Вторая рука коснулась жены. Ладонь с шестью паучьими пальцами проползла вверх по плечу и впиалась в растрепанные, много дней не мытые волосы, обхватив голову почти целиком.

Крик оборвался на полуслове. Лицо Маши разгладилось, глаза закатились, и вся она как-то обмякла, тоже превратившись в куклу. Серая Мать склонилась к ней. Тонкие веки прикрыли глаза цвета вареной рыбы. Десятки отверстий раскрылись и затрепетали под ними, сделав лицо Серой Матери похожим на ноздреватый метеорит.

Анатолий Сергеевич задержал дыхание, когда Маша снова распахнула глаза. Запавшие, с черными дырами расширенных зрачков, они смотрели мимо него, мимо Серой Матери, мимо всего, на что здесь можно было смотреть. Маша видела что-то свое, и ее новый вопль прозвучал

особенно страшно, почти добравшись до живой мякоти, прикрытой искусственной прохладной пленкой спокойствия.

Забудь.

Почти, но все-таки не добравшись.

Ощущение раздираемого на клочки сердца настолько притупилось, что Анатолий Сергеевич практически не чувствовал его. А раз не чувствовал, то было ли оно вообще?

Забудь.

Нет, конечно же, нет. Ничего не было.

– Теперь я спасусь? – полушепотом выдавил он, осмелившись поднять взгляд на Серую Мать.

Мертвые глаза открылись и уставились на него. Длинная рука, отпустив глухо воющую Машу, указала на выход.

Спасайся.

И тогда он, оскальзываясь на сыпучем песке, поспешил наружу: то на четвереньках, то, горбато пригнувшись, на двух ногах. Выбравшись из Колыбели, Анатолий Сергеевич бросился прочь.

Какой-то ком в кармане спадающих без ремня брюк мешал ему бежать. Не останавливаясь, он выдернул его из кармана и отшвырнул в сторону, а затем нырнул в пропитавший все вокруг туман. Розовая собачка – любимая игрушка Светика – осталась валяться в пыли посреди серой пустоши.

Анатолий Сергеевич бежал все дальше и дальше, увязая ботинками в песке цвета пепла и обливаясь холодным потом. Он бежал прочь от Колыбели, от Серой Матери, от самого себя.

И тем спасся.

Накануне

1

– Пошел вон отсюда! – непривычные, злые слова срывались с языка через силу.

Ничего подобного Олеся Полунина никогда раньше не произносила. К двадцати двум годам она, воспитанная флегматичными родителями и интеллигентным дедушкой, и голос-то толком повышать не научилась, но сейчас...

Сейчас все шло наперекосяк. Катилось под откос. Старая двушка, где предыдущие хозяева сделали перепланировку, из безопасного угла превратилась в поле боя.

– Это моя квартира! И ты здесь больше не живешь! – Непривычный к крику голос Олеси подрагивал.

Эта дрожь исходила из глубины груди, где по-птичьи неистово трепыхалось сердце, и распространялась по всему телу. Особенно сильно она ощущалась в руках и ногах. Казалось, сделай Олеся хоть полшага вперед, и трясущиеся ноги сразу подломятся, не выдержав тяжести тела.

Но отступить было нельзя. Она и так постоянно отступала. Молчала, оправдывалась перед самой собой, глушила тревогу поиском «позитивных» моментов. Хватит! Если снова смолчать, как обычно, то... Все. Дальше будет еще хуже.

И потому Олеся держалась. Стиснув руки в кулаки (не будь ее ногти коротко подстрижены – впилась бы в ладони до крови), она застыла на границе маленькой кухни, совмещенной с гостиной, где сейчас царил мерзкий, устроенный чужими людьми беспорядок. Ворот любимого джемпера душил, челюсти были сжаты почти до боли. Родители вложили дедушкино наследство в покупку этой квартиры, и превращать ее в притон она не позволит!

Возле дивана, обитого искусственной кожей, переминался с ноги на ногу долговязый Вася. В воздухе витал сладковатый запах травки и какой-то еще, более резкий. Набитый продуктами пакет оседал, привалившись к стене в коридоре – там, где Олеся выпустила его из рук. Она собиралась приготовить запеканку на ужин, но теперь это не имело значения.

– Собирай свои вещи и уходи!

Кровь стучала в висках, щеки пылали, выбившаяся из-под заколки рыжая прядь щеколтала ухо, но сейчас Олесе было все равно, как она выглядит. Она хотела лишь одного: отстоять свой дом.

– Котенок, ну ты чего? – Вася протянул к ней тощие, сплошь забитые татуировками руки. Выразительное лицо сложилось в заискивающую гримасу, мутноватые глаза настойчиво ловили Олесин взгляд.

И как она раньше всего этого не замечала? Замечала, конечно замечала! Но как могла не придавать этому значения? Как ей вообще могли нравиться эти клешни в наколках, эти дикие наркоманские глаза? Наивная идиотка! Повелась на смазливое киношное лицо и пустые обещания!

– Собирайся и уходи!

– Котенок, ну не горячись... Ребят я выставил. Да, был неправ. Но зачем вот так-то?

Ребята – дрищ с красными дредами, развалившийся на ее диване прямо в ботинках, и две размалеванные девицы с пирсингом – действительно уже ушли. Ушли сразу после того, как Олеся, вернувшаяся с учебы пораньше, пригрозила вызвать полицию.

Теперь угрозу пришлось повторить.

– Если ты сейчас же не соберешь вещи и не уйдешь отсюда, я правда позвоню в полицию! – Правой рукой она выдернула смартфон из кармана куртки, которую так и не успела снять. – Это не твоя квартира! Ты здесь не прописан! Ты... Ты мне никто! – Напряженные голосовые связки гудели в горле, и собственный голос напоминал Олеся ворчание рассерженной собаки. По краям поля зрения напирало что-то темное, напоминающее *ту самую* черноту.

«Только не сейчас, пожалуйста. Только не сейчас».

– Так, все ясно с тобой. – Лицо Васи разгладилось, приняв то презрительно-отрешенное выражение, которое и придавало ему сходство с известным актером. – Ты тут давай успокаивайся, а я пойду покурю.

– Нет!

Будто не замечая ее, Вася привычным жестом откинул назад модно подстриженные волосы, в последнее время сильно отросшие и засаленные, и двинулся в прихожую.

– Нет, – твердо повторила Олеся ему в спину. – Ты свалишь сейчас. С вещами.

– Да с хера ли? – Вася резко повернулся к ней. – Ты че, совсем с катушек слетела? Ты меня за кого вообще держишь? Че, власть почувствовала?

Лицо, казавшееся раньше таким привлекательным, злобно искривилось. Не отрывая от девушки тяжелого взгляда, Вася шагнул к ней.

Олеся не успела понять, как оказалась возле кухонной столешницы. Вместо телефона во взмокшей ладони был зажат нож. На периферии зрения все утопало в подступающей черноте. Пространство превратилось в темный тоннель, в конце которого стоял Вася.

«Не сейчас, – мысленно приказала себе Олеся. – Пусть я упаду после. Не сейчас». Иногда это срабатывало, и приступ отступал. Иногда – нет.

– Ты. Здесь. Больше. Не живешь, – отчеканила она, с трудом проталкивая слова сквозь одеревеневшее горло.

Воздуха не хватало, внутренняя дрожь колотила все сильнее. Удивительно, что Вася этого не замечал. Если бы он сделал еще шаг, если бы все же попытался ее ударить... Вряд ли Олеся пустила бы в ход нож. Нет, точно не пустила бы. Она никогда не смогла бы сделать такое.

Но Вася не попытался.

Вместо этого он вдруг отвел взгляд и отступил назад. Процедил сквозь зубы:

– Большая! – и двинулся к встроенному шкафу. Распахнул дверцы – резко, так что одна из них хрустнула петлями. Не обращая внимания на посыпавшиеся вещи, выдернул с нижней полки спортивную сумку.

Продолжая сжимать в онемевшем кулаке нож, Олеся как во сне наблюдала за его перемещениями по квартире. Чернота, застилающая взор, понемногу рассеивалась. Безжалостно переворачивая и роняя ее вещи, Вася сгребал в сумку свои пожитки, накопившиеся за три месяца совместной жизни.

Когда он направился к выходу, Олеся пошла следом.

– Ключи, – выдохнула она, едва узнав собственный голос.

Уже взявшись за дверную ручку, Вася обернулся. Запустил руку в карман куртки.

– На, сука!

Олеся запоздало отшатнулась, и с силой брошенная связка оцарапала щеку.

Когда дверь за бывшим парнем захлопнулась, в квартире повисла тяжелая тишина. Она давила на уши невидимым куполом, наполняла шумом радиопомех опустевшую голову. Заметив, что до сих пор сжимает в кулаке нож, Олеся отбросила его в сторону, словно мерзкую многоножку. Нож стукнулся об пол, блестящее лезвие вспыхнуло отраженным светом лампы так ярко, что пришлось отвести глаза.

Взгляд упал на пару кроссовок в углу за дверью. Его кроссовок. Остатки адреналина выплеснулись в кровь, разогнали по телу новую волну жара.

Схватив первый попавшийся пакет, Олеся запихала в него кроссовки, а затем бросилась в ванную. Вася не стал туда заходить, и теперь она сама швыряла в пакет его вещи: станок и гель для бритья, зубную щетку, дезодорант, шампунь, оставшиеся на батарее носки...

С пакетом в руках она выскочила в подъезд. Вызвала лифт, лихорадочно тыкая в кнопку.

Когда Олеся выбежала во двор, Васина «лада» с тонированными стеклами уже тронулась с места.

– И это забери! – Срывающийся выкрик больше не напоминал рычание.

Олеся неуклюже швырнула пакет вслед удаляющейся машине, и тот, несколько раз перевернувшись в воздухе, шлепнулся в лужу посреди дороги. Две мамы с колясками, остановившиеся у детской площадки в центре двора, окинули Олеся долгим взглядом.

Вася, разумеется, не стал останавливаться.

«Да и черт с ним! Пусть катится!»

Олеся потащила обратно в подъезд. В размокших тапочках хлюпало. Всплеск агрессии отнял все силы. На глазах закипали слезы.

Но она все-таки не упала.

Первый припадок случился, когда Олесе было четыре года. Родители и бабушка рассказывали, как сорвались все вместе в больницу, бросив свои дела, а Олеся помнила только черноту. И сильный страх. Ужас. Чернота несла в себе нечто такое, что не желало уместиться в сознании. Она наполнила маленькую Олеся целиком, как вода наполняет кувшин, но при этом оставалась *ничем*.

Ни до, ни после Олеся не сталкивалась с такой всеобъемлющей пустотой. Чернота наплывала со всех сторон, но больше не проникала внутрь. Если удавалось сохранить ясность зрения, как сейчас, она отступала. Если нет – обволакивала полностью, и Олеся падала, на несколько секунд теряя сознание. Судорог не было, только падение.

Это случалось раз или два за год, иногда – ни разу. А иногда чернота подступала чаще. И хотя врачи говорили, что сдержать начавшийся приступ эпилепсии невозможно, у Олеси получалось. Ей не верили, и после четырнадцати она перестала об этом рассказывать. А после семнадцати прекратила пить таблетки. Толку от них все равно не было, только сонливость и слабость, а ей нужно было сдавать экзамены и поступать.

После смерти бабушки приступы прекратились. Их не было почти три года, и вот теперь чернота вернулась. Ухудшение? Олеся не хотела думать об этом. И без того было тошно. Глядя под ноги, она вошла в подъезд. Двойные двери хлопнули за спиной, окончательно отделяя ее от залитого дождем двора и от Васи.

Неподалеку от лифта стояла старуха.

Невысокая, сгорбленная, в любую погоду одетая в один и тот же засаленный плащ и пухлый грязно-желтый берет с козырьком, она впиалась в Олеся жадным взглядом. Совсем как те мамы со двора, только еще хуже. Ноздри старухи раздувались и опадали. Неровно обведенные яркой помадой губы беззвучно двигались: сжимались, растягивались, подворачивались внутрь, как будто снимая пробу со слов, которые вот-вот должны были выплеснуться наружу.

Эту сумасшедшую старуху, живущую непонятно в какой квартире, знал, наверное, весь подъезд. По крайней мере, так казалось Олесе. Сама она ни с кем из соседей не общалась, и вряд ли узнала бы их, встретив где-то вне дома. Старуха же... Она появлялась повсюду, и не узнать ее было невозможно. На улице ее, то и дело застывающую столбом посреди двора, обходили стороной, а она словно и не замечала: стояла себе, пристально вглядываясь в рельеф домов и деревьев, и шевелила губами. Как школьник, рассматривающий в учебнике схему, которую необходимо знать наизусть.

Олеся запомнила старуху с первой встречи в день переезда из общежития.

– Что, на все готовое?

Вопрос, внезапно озвученный вьедливым голосом, застал Олеся врасплох: она едва не выронила замотанную скотчем коробку с посудой, с которой вышла из лифта. Олеся была уверена, что на площадке ее этажа никого нет: середина буднего дня, родители только что спустились во двор выгружать очередную партию вещей из машины.

– На все готовое, говорю? – повторила невесть откуда взявшаяся старуха, пристально глядя на нее. – А? Чего молчишь-то, худосочная? – Блеклые слезящиеся глаза сверлили ее взглядом, и собственные руки (действительно тонкие) показались Олесе веточками, готовыми переломиться под весом потяжелевшей коробки. – Мать с отцом на последнее хату купили, у них теперь в ногах валяться надо, а она стоит, глазами хлопает! Тварь неблагоприятная!

Выплюнув последнюю фразу, неопрятная старуха отвернулась и зашаркала вниз по лестнице. Олеся, опешив, так и осталась стоять под дверью. Откуда эта противная бабка могла знать, что родители купили ей квартиру? Наверняка подслушала, когда они говорили об этом на улице. Или еще раньше, когда приезжали с риелтором.

Но гаже всего было то, что в словах старухи содержалась правда. Олеся не заслужила эту квартиру. Позорное бегство из медицинского вуза, вынужденное поступление в колледж на медсестру... Разве этого ждал от нее дедушка, известный в республике хирург, почти сорок лет заведовавший отделением в их районной больнице? Думал ли он, что внучка превратится в размазню, в типичную неудачницу? Пусть родители никогда не говорили об этом, но Олеся и без них догадывалась: она подвела его. И теперь уже ничего не исправишь.

С тех пор сумасшедшая старуха время от времени давала о себе знать. Иногда Олесе начинало казаться, что та преследует ее специально. Впрочем, «жертвами» старухи становились и другие жильцы. Обескураживающие оскорбления, гаденькие смешки, тяжелые взгляды...

Отвернувшись, Олеся надавила на кнопку вызова лифта. Кожа под тонким джемпером покрылась мурашками, ноги в промокших тапках заledenели. Светло-зеленые стены подъезда, посвежевшие после недавнего ремонта, давили со всех сторон, а две лампочки в разных концах этажа светили до отвращения ярко. Хотелось как можно скорее оказаться дома. На маленьком темном экране над лифтом горела красная цифра восемь. Кабина неторопливо поползла с предпоследнего этажа.

Сбоку раздалось кашляющее хихиканье. Бабка, вроде бы направлявшаяся на улицу, никуда не ушла: остановилась на площадке в нескольких шагах от Олеси и буравила ее все тем же хищным взглядом, бесстыдно игнорирующим все нормы приличия. И смеялась.

Олеся снова отвела взгляд и придвинулась поближе к лифту, который как назло ехал со скоростью улитки.

– Что, выгнала? – прозвучавший почти над ухом скрипучий голос заставил вздрогнуть. Противная старуха каким-то образом оказалась еще ближе, и теперь Олеся ощущала даже ее запах: тяжелый дух давно не мытого тела и заношенной одежды. Задержав дыхание, Олеся отступила в сторону. Слезающиеся глазки неопределенного цвета продолжали пристально и недобро глядеть на нее.

– Завела себе хахаля, а он наркоман оказался?

Слова хлестнули, как кнутом, и Олеся, приказавшая себе ни на что не реагировать, все же внутренне съежилась. В душе поднималась отвратная смесь стыда и бессильного гнева. Как она все это узнала? Разумеется, видела сцену во дворе! Но про наркотики – откуда? А если и узнала, то кто дал ей право лезть в чужую жизнь?

– Наркомаан... – почти с нежностью протянула бабка, явно наслаждаясь замешательством Олеси, и ее жирно намазанные губы растянулись в плотоядной ухмылке. – А ты небось и денег ему давала? Каждому слову верила... Ноги раздвигала! – Старуха опять мерзко хихикнула. – Думала, жить будете? Детей родите? А вот на-ка, выкуси, шалава!

Кипящий внутри гнев сковывала липкая корка отвращения, скрепленная заученными с детства представлениями о хороших манерах. А на самом дне расцветал страх. Старуха вновь уверенно говорила о том, чего знать никак не могла. Олеся никому не рассказывала, что одалживала деньги Васе. Либо бабка очень хороший психолог, либо...

Либо что? Ведьма, как в сказках? Ясновидящая?

«Она просто сумасшедшая. Сумасшедшая с хорошей интуицией. А с психами лучше не связываться. Не провоцировать их».

Двери лифта наконец лязгнули и распахнулись, и Олеся быстро прошмыгнула внутрь мимо хихикающей бабки, сующей ей в лицо сморщенный кукиш. С ее сжатыми в кулак пальцами что-то было не так. Уже в лифте Олеся осознала, в чем дело: пальцев было шесть.

Непослушная рука ударила по металлическому кругляшу с цифрой «пять», а затем до упора вдавила кнопку закрывания дверей.

Ну же! Быстрее!

К счастью, зайти в кабину старуха не пыталась. Она просто стояла напротив, заливаясь своим каркающим хихиканьем, пока сомкнувшиеся створки лифта не отсекали ее от Олеси.

2

Семен Марченков прибыл в город вечерним рейсом. В свои неполные тридцать он пытался начать еще одну новую жизнь. На этот раз – по-настоящему и как можно дальше от прежней. Провинциальная столица была последним перевалочным пунктом перед выездом из республики. Карелия с ее обманчивым летом и стылými зимами не принесла ему ничего, кроме разочарования и смерти. Мама, отец, Ленка... Он и сам рисковал присоединиться к ним, если останется здесь.

Покинув здание автовокзала, Семен с наслаждением закурил. Зудящая под кожей тревога не желала успокаиваться, и только сигарета могла унять этот зуд, напоминающий о собственном бессилии, о промозглой подвальной тьме. Прежде чем убрать зажигалку – потускневшую «зиппо», доставшуюся от отца, – он пару раз щелкнул металлической крышечкой. Туда-сюда, открыть-закрыть. Эти щелчки тоже помогали расслабиться.

В автобусе он отправил Ваську несколько сообщений, а сразу после высадки позвонил. И то и другое ничего не дало: Васек не отвечал. Это было странно, учитывая, что они обо всем договорились заранее. Может, случилось что?

Вынужденный признать, что планы изменились, Семен снова достал смартфон с жалкими пятнадцатью процентами заряда. Отыскав через приложение недорогой хостел, собрался вызвать такси, но передумал. Город он немного знал, а трехчасовая поездка в тряском автобусе утомила. Хотелось пройтись пешком, подышать воздухом. И заодно разогнать беспокойные мысли.

После смерти отца он почти сорвался. Несколько раз был на грани. Нет ничего хуже этого подвешенного состояния, этой непрекращающейся борьбы с невидимкой: вроде бы все идет хорошо, как у всех, а в следующий миг – уже плохо, невыносимо плохо, и ты сам не понимаешь, что именно произошло. С этим пора было кончать. Одним махом и бесповоротно, чтобы наверняка.

Семен планировал обосноваться в Сочи, вдали от холода и безнадёги. Недавно туда перебрался Саня, знакомый по Центру реабилитации, и теперь его страница в соцсети пестрела беззаботными солнечными фотографиями. Другой мир, другая жизнь.

А в нынешней жизни Семена преследовала лишь удушающая усталость. Она тянулась за ним из тех мест, где они с отцом начинали предыдущую новую жизнь. Из тех мест, откуда он теперь бежал. Она приклеилась намертво, давила грузом воспоминаний, сброшенных и пропущенных звонков и опасных, искушающих мыслей.

Пара дней в чужом захолустном городке, в гостях у Ромки – еще одного приятеля по Центру, – ожидаемого облегчения не принесли. Розовощекий и сильно располневший на анти-депрессантах Ромка встретил Семена с радушием, познакомил с пышечкой-женой, показал новорожденного сына, напоминающего гигантскую розовую картофелину в пеленках, а потом уложил спать на полу в кухне (в единственной комнате свободного места не оказалось). На следующий день он продемонстрировал гостю скудные городские достопримечательности, старательно уклоняясь от разговоров «за жизнь».

С одной стороны, Ромка, конечно, был молодцом. Сумел выбраться из той поганой ямы. Оказался, между прочим, одним из немногих, кому это удалось. С другой... Лежа на жестком ватном матрасе в тесной кухоньке, слушая детский плач и тяжеловесные шаги Ромкиной жены, топчущейся по комнате с хныкающим младенцем на руках, Семен понимал: все это не его. Его новая жизнь должна быть совсем другой.

Он надеялся, что сможет в итоге поговорить с Васьком. В Центре они жили в одной комнате и особенно сильно сблизились. После окончания курса их дружба постепенно сохлась до нескольких сообщений в соцсетях раз в пару месяцев, но, узнав о планах Семена, Васек пригласил его погостить напоследок. Адрес был новый – теперь он жил с девушкой.

И не отвечал на звонки.

Стараясь не думать о худшем, Семен пригнулся под тяжестью взваленного на плечи рюкзака и зашагал вперед.

Он тоже жил в этом городе какое-то время. В самой первой прошлой жизни. Кругом в свете сочно-оранжевых и изжелта-белых фонарей выступали из темноты старые знакомцы: тонкий шпиль железнодорожного вокзала перед круглой площадью, лента центрального проспекта, ныряющая вниз, к озеру, а по правую руку – университет. Литая ограда, широкая каменная лестница со скамейками по бокам, группки припозднившихся студентов у входа. Когда-то и он был одним из них. Во времена До: до Ленки, до метадона, до Центра.

Погруженный в воспоминания, Семен поправил тяжелый рюкзак за спиной и двинулся по проспекту вниз, в сторону набережной. Хотелось посмотреть, изменилось ли там что-нибудь.

А еще хотелось есть. В рюкзаке лежал пакет с бутербродами, сунутый заботливой Ромкиной женой, но устраиваться с ними где-нибудь на лавке, как бомж, Семен не хотел. В конце концов, на карте лежали почти все деньги за летние вахты. Он мог позволить себе поесть в нормальном кафе или даже в ресторане. А заселиться в хостел можно и потом.

Зайти в первое попавшееся заведение не получилось. На ходу заглядывая в ярко освещенные окна, Семен с нарастающим раздражением констатировал: тут слишком людно, там одни подростки, а здесь – сплошной пафос...

Наконец попалась какая-то более-менее тихая кофейня. Маленький зал был наполовину пуст, поесть почти нечего, но зато в меню значилось чуть ли не тридцать сортов кофе. Впрочем, кофе он не любил. Заказал травяной чай и сэндвич. Побрезговал, называется, бутербродами!

Закрыв меню, Семен откинулся на спинку кресла. Удобное, приятное даже на ощупь, оно приняло форму его тела, наилучшим образом поддерживая натертую рюкзаком поясницу. Спокойная музыка обволакивала. Официант быстро принес заказ и больше не докучал. Казалось бы, чего еще?

Но все это было не то. Не то.

Почти не чувствуя вкуса, Семен укусил сэндвич, попробовал ароматный чай и уставился в окно.

На другой стороне проспекта чужеродно возвышался новенький торговый центр, сияющий рекламой и декоративными огнями. Сквозь вращающиеся двери текла река посетителей, на улице вдоль здания тоже толпились люди. Автобусы один за другим подходили к остановке и трогались дальше с новой порцией пассажиров. И автомобили... Кто-то ведь ехал во всех

этих автомобилях, пронсящих мимо; ехал домой или по делам, словом – жил собственную жизнь, был при деле, имел цель. Был кому-то нужен.

Кто-то, но не он.

Путь в Сочи, первые робкие прикидки относительно жилья и работы – это лишь преддверие чего-то большего, способ освободиться от груза, чтобы уже потом идти к настоящей цели. Но к какой? Кем он собирался стать? Что хотел делать? Какое место в жизни мог бы занять?

Ощущая себя пришлым чужаком, совершенно неуместным в этом мире ярких огней и мягких кресел, Семен торопливо проглотил сэндвич и расплатился. Напоследок выяснил у официанта, как вызвать такси.

Смотреть набережную расхотелось, равно как и отправляться в хостел – еще одно чужое место, где его никто не ждет. У него ведь был договор с Васьком. Был его адрес. Еще вчера тот подтвердил, что все в силе. А телефон... Васек мог забыть его где-то, мог выключить звук, да мало ли что!

Сколько времени прошло с тех пор, как они попрощались на выходе из Центра? Три года? Чуть больше? Судя по их переписке в сети, Васек не изменился так сильно, как Ромка и Саня. Возможно, он единственный, кто сможет понять Семена. Возможно, разговор с ним поможет наконец забыть обо всем. Выбраться из проклятого подвала. Освободиться.

Васек жил в другом районе. Номера подъезда Семен не знал, и таксист высадил его в торце дома, как оказалось – не с той стороны.

Шагая вдоль согнутой полумесяцем девятиэтажки, Семен с удовольствием отметил, что ничего общего с напояженным центром этот район не имеет. Обычные серые панельки с лоджиями, неровный многоугольник двора с гаражами и детской площадкой, разбитый асфальт, лужи... Но при этом – без той унылой обреченности, которая сквозит отовсюду в маленьких городках. Наверное, фонарей тут побольше.

Семен хотел позвонить Ваську еще раз, но в такси телефон окончательно сдох. К счастью, номер квартиры он помнил.

Звонить в домофон не пришлось. Дверь подъезда открылась навстречу Семену, и на улицу выскочила лохматая дворняга на поводке, тянущая за собой мрачного мужика. Пропустив их, Семен зашел внутрь. Плечи, вновь оттянутые лямками, ныли, содержимое рюкзака сместилось после поездки в такси, и в поясицу упирался какой-то острый угол.

Подсунув ладони под рюкзак, Семен смотрел только под ноги и едва не налетел на старушку, застывшую посреди площадки первого этажа. Обыкновенная бабка, каких в каждом дворе десяток: заношенный плащ чуть ли не до пят, дурацкий берет размером с полголовы, одрябшее морщинистое лицо. На руках – спящая пятнистая кошка.

В целом старушка выглядела то ли растерянной, то ли расстроенной. Семену показалось странным, что она выползла в вечернее время из квартиры, да еще с кошкой. Взгляд ее изумительно блуждал по подъезду, будто старушка оказалась тут впервые. Может, с памятью проблемы, потерялась?

Семен собирался пройти мимо, но в этот момент глаза в складках сморщенных век уставились на него. Глубоко внутри ершисто шевельнулись воспоминания о маме. Ее, «психическую», знала половина городка, но никто не подошел к ней тем вечером, когда она зарывалась в сугроб на окраине, прячась от невидимых врагов. Там она и замерзла. Ему тогда было двенадцать.

Разве ты такой же, как они?

Нет, однозначно нет. Он никогда не был таким, как они. Что бы ни происходило, он всегда был... Он был хорошим человеком. Да, хорошим человеком, которому просто не повезло в жизни.

– Извините, вам чем-нибудь помочь? – Семен неловко остановился на половине шага.

– А? – бабка приоткрыла нелепо размалеванные губы и по-птичьи склонила голову к плечу.

– Вам помочь? – погромче повторил Семен.

– Да не ори так, ирод! Не глухая! – вдруг рывкнула старуха, при этом кошка у нее на руках даже не шелохнулась. – Катись отседа!

Помог, ничего не скажешь! Раздосадованный Семен протиснулся мимо со своим рюкзаком (бабка не соизволила посторониться) и нажал кнопку справа от лифта.

– Что, следующий? – снова заговорила старуха. – К шалаве этой?

– Вы меня с кем-то путаете, – сдержанно отозвался Семен, жалея, что вообще вступил в диалог. У бабки точно не все дома, и разбираться с ней дальше не было ни малейшего желания. В конце концов, она-то не замерзает в сугробе.

– Ага, как же! – Неприятная старушенция хрипло расхохоталась, а потом шумно втянула носом воздух, наклонившись в сторону Семена. Кошачья голова при этом свесилась набок. – Я-то все чую, как есть! Не обманешь! Ты из этих. И навсегда там и останешься – в выгребной яме!

Чокнутая. Стиснув зубы, Семен следил, как меняются цифры этажей на маленьком экране над лифтом. Шестой, пятый, четвертый... Кошка, кулем висящая на руках у бабки, не давала покоя. Она выглядела не спящей, а дохлой. Чокнутая бабка с дохлой кошкой. Отличная встреча под вечер!

– Думаешь, полстраны объедешь, да и вылечишься? – ехидно продолжила старуха, прищурив слезящиеся глаза. – А вот хрен тебе, торчок гнилой!

Грубые слова пронзили насквозь. Семен обернулся, не веря своим ушам. Откуда?! Откуда она могла это знать?

– Ну, чего рот-то раззявил? – Бабка коротко хихикнула, и ее тонкие ноздри вдруг раздулись, превратившись в два темных тоннеля. – Шел бы своей дорогой, так нет! Сюда приперся! Ну-ну... Мы-то всем рады...

Двери лифта со стуком разъехались в стороны. Бабка отняла от груди руку, в которой сжимала несчастную кошку, и Семен увидел темное пятно на ее плаще. Оно выглядело влажным.

– Чего застыл-то? Иди уж, раз решил!

Семен шагнул в ярко освещенную кабину, не отрывая взгляда от кошки. Прежде чем лифт закрылся, он заметил кровь, капающую на пол с безжизненного тельца.

3

Свет в спальне не горел. Окруженная спасительной темнотой, Олеся сгорбилась на краю кровати, оперев локти в колени и обхватив низко опущенную голову руками. Влажные волосы облепили предплечья, распластались по плечам, оставляя на футболке мокрые пятна. Ящик прикроватной тумбочки был выдвинут, но Олеся так и не притронулась к лежащему внутри фену.

Остывающие слезы падали вниз, на жесткий коврик в полоску. Домотканые половики, икеевская мебель, фотографии в рамках, тщательно подобранные обои – все это должно было добавить уюта новой квартире, к которой Олеся долго привыкала. А теперь с любовью обустроенное жилище было осквернено. И самое худшее заключалось в том, что это произошло не только что, не одновременно, а продолжалось уже какое-то время. С тех самых пор, как она предложила Васе жить у себя.

А ведь поначалу ей это нравилось! Нравилось играть в настоящую пару, нравилось видеть зависть однокурсниц, по-прежнему обитающих в общежитии или просто одиноких, нравилось воображать, будто с помощью любви и заботы она волшебным образом исцелит Васю от зависимости...

«Вот ведь дура!»

Олеся прижала ладони к лицу: закрыться, защититься от всего, что давило на нее сверху, снизу, со всех сторон. Колючие воспоминания, стыд, обида, отчаяние – в одиночку продирается сквозь плотно окутавшую ее болезненную пелену было невыносимо, но кто мог с этим помочь? Подруги?

Настало время взглянуть правде в глаза: настоящих подруг у нее нет и не было. Одноклассницы, однокурсницы; привет-пока, одолжить конспекты, посплетничать, посидеть в кафешке... Она никогда не доверяла им настолько, чтобы поделиться чем-то действительно важным, настоящим, и при этом хотела казаться своей, такой же, как они. Нормальной. Поэтому и трепалась бесконечно о Васе. Хотела доказать, что она ничем не хуже других.

«Вот и доказала».

Единственные, кого действительно волнует ее жизнь, – это родители, но в итоге она подводит их так же, как подвела дедушку. Они купили эту квартиру, чтобы Олеся могла остаться в городе после колледжа и найти хорошую работу. Они помогают деньгами, чтобы ей не приходилось подрабатывать в ущерб учебе. Они поддерживают ее, волнуются, а что она?

Все, что она смогла сделать самостоятельно, – это связаться с гребаным наркоманом! Так глупо и так предсказуемо! Даже сумасшедшая бабка из подъезда смогла догадаться!

«Мы получаем именно то, о чем думаем», – часто говорил дедушка, ее ближайший и единственный друг. «Думай о хорошем и улыбайся», – говорил он. Но разве она думала, что все сложится так? Разве этого она хотела – одинокой жизни в полужнакомом городе, когда вся активность ограничивается учебой, а все радости – сериалами и едой? С Васей она хотя бы казалась небезразличной кому-то, а сейчас...

Шумно выдохнув сквозь щель между ладонями, Олеся запрокинула голову.

– Хватит, – тихо произнесла она, отняв руки от лица.

Вечно одно и то же: сомнения, опасения... Хватит с нее всего этого! Надоело быть самой слабой, надоело вечно нуждаться в ком-то!

Поднявшись с кровати, Олеся включила свет.

Так-то лучше!

На глаза попался Васин кальян, приткнувшийся в углу за шторой, возле двери на лоджию. Руки снова начали сжиматься в кулаки.

Этой гадости в ее доме больше не место!

Олеся взяла кальян кончиками пальцев, будто какую-то склизкую гадину, и вынесла на лоджию. Возможно, стоило запихнуть его в дальний угол, где громоздились пустые коробки, но вместо этого Олеся резко толкнула в сторону раздвижную раму. Перехватив поудобнее осточертевший кальян, она размахнулась и вышвырнула его на улицу с высоты пятого этажа. Кальян описал дугу над узеньким дворовым тротуаром и разбитым автомобильным проездом, а затем с шорохом исчез в ветвях ближайшего дерева. В темноте внизу жалобно лязгнул металл.

Олеся отступила от окна и прижалась к холодной стене лоджии.

«А если бы там кто-то шел?»

Но в этот раз назвать себя душой язык не повернулся. Если бы она могла, то повторила бы этот бросок еще раз. И наплевать, что чертова железка стояла как несколько ее стипендий!

При мысли о том, что Вася может вернуться за кальяном, Олеся обожгла тревога, но она яростно вытеснила ее. Пусть приходит! Порог ее квартиры он больше не переступит, и точка. Это решение она приняла, когда наводила порядок в комнате после посиделок «ребят».

Отмывая грязную посуду, выбрасывая пепельницы вместе с содержимым, выгребая из-под дивана мусор, крошки, пепел и даже – мерзость! – незнакомую упаковку от презервативов, Олеся чувствовала, что с прошлым покончено навсегда. Одиночество не так уж пугало. Общество чужих, ни во что тебя не ставящих людей – вот что на самом деле страшно.

По окончании уборки она выбросила два полных пакета в мусоропровод, а потом тщательно вымылась сама. Одежду, которая была на ней, и покрывало с дивана запихнула в стиральную машинку и запустила самый долгий режим стирки, с паром. Конечно, тонкому джемперу это не пойдет на пользу, но... Наплевать. Или так – или выкинуть.

Закрыв окно, Олеся осталась на лоджии. Пока она смотрела во двор, правая рука привычно потянулась к запястью левой – к часам, подаренным бабушкой на окончание первого курса в медицинском. Тогда ей и в страшном сне не могло присниться, что через полгода бабушки не станет. Он был рядом всегда, с раннего детства, и... Не мог просто исчезнуть? Оказывается, мог.

Указательный палец скользнул по стеклу над циферблатом, затем обвел золотистый ободок, на котором шершаво теснились крохотные стекляшечные «бриллианты». Этот ободок, раз за разом прослеживаемый чуткой подушечкой пальца, словно возводил вокруг Олеси защитную границу. Мокрые волосы охладили спину, но холод больше не проникал вглубь, не сковывал внутренности, стал обычной осенней прохладой, просачивающейся на лоджию. Дом снова становился домом.

Снаружи тепло желтели окна соседних домов. Если присмотреться как следует, в бархатистой темноте над ними можно было различить пару-тройку звезд. Внизу справа шумели, сверкая фарами, проезжающие автомобили. Это была не самая оживленная улица, но и не какие-нибудь задворки. Как раз то, что нужно, чтобы ощущать жизнь города, не погружаясь при этом в утомительную суету центра.

А ведь жизнь действительно продолжалась. Вот вдоль соседнего дома прошла парочка. Вот внизу проехало такси (кажется, в ее двор). Вот кто-то вышел погулять с собакой...

При мысли о том, что о случившемся с ней сегодня никто не знает (кроме тех двух любопытных клуш с колясками и стремной старухи), Олеся выдохнула с облегчением. Слава богу, что она так и не отважилась рассказать родителям про наркотики! И что Вася вел себя при родителях прилично. Теперь всё это уже неважно. Теперь всё позади.

Спокойный ход мыслей прервал звонок в дверь.

В груди словно лопнул воздушный шарик.

Вася. Больше никому.

Палец, гладивший циферблат часов, застыл в напряжении.

Заперла ли она дверь, когда вынесла мусор? Олеся никак не могла вспомнить. Может, сделать вид, что ее нет дома? Что она в душе. Или спит. Или умерла. Что угодно, лишь бы не открывать!

С трудом заставив себя пошевелиться, она все-таки двинулась в прихожую.

Это точно был Вася. Вот только зачем он вернулся? Пришел мириться? Или... От дикой мысли о мести Олесю передернуло. Зачем ему это? Это всего лишь ссора бывших влюбленных, а не какие-то бандитские разборки! Скорее всего, он явился забрать кальян. Просто вспомнил про свой чертов кальян, вот и все! В конце концов, дверь можно вообще не открывать. Она у себя дома. Она имеет право не открывать дверь, если не хочет.

И все же по пути из освещенной спальни в полумрак прихожей Олеся пыталась мысленно сформулировать ответ на вопрос о кальяне. А когда, затаив дыхание, посмотрела в глазок, увидела вовсе не Васю.

На площадке между ее дверью и лифтом стоял незнакомый брюнет. В свете двух ламп, таких же ярких, как и на первом этаже, Олеся хорошо рассмотрела его. На вид не старше тридцати, ростом он был почти с Васю, только немного плотнее, а вместо Васиной пижонской кожанки носил спортивную куртку. Плечи незнакомца оттягивал большой рюкзак, лицо со сдвинутыми бровями выглядело угрюмо.

– Кто там? – настороженно спросила Олеся через дверь.

Молодой человек, до этого глядевший в пол, встрепенулся.

– Я к Васе. Семен.

«Какой еще Семен?»

Олеся плохо знала Васиных друзей (а сегодняшнюю тройцу и вовсе видела впервые), но среди тех, кого упоминал бывший, Семена точно не было. Что это за тип вообще? Тоже хотел попасть на сегодняшнюю тусовку, но опоздал? Впрочем, на тех троих (да и на всех, с кем обычно общался Вася) он похож не был. Скорее, наоборот.

– Вася здесь больше не живет, – погромче произнесла Олеся, продолжая наблюдать за незнакомцем в глазок.

Ее слова, похоже, оказались для него неожиданностью.

– А... Это точно? – неуклюже спросил он после паузы. – Мы с ним недавно договаривались, что я приеду в гости. – Правая рука незнакомца рассеянно вскинулась вверх, приглаживая волосы на затылке.

– Все точно, – отозвалась Олеся. – С сегодняшнего дня он тут не живет.

Незнакомый парень, мнущийся в подъезде, вызывал у нее сочувствие. С виду нормальный человек. Тоже, наверное, положился на этого козла, планы какие-то построил... Впрочем, открывать дверь Олеся все равно не собиралась.

– Не подскажете, где его можно найти? – с надеждой в голосе спросил незнакомец.

– Понятия не имею, – ответила Олеся.

Вышло резковато, но она ведь действительно не знала. И не хотела знать.

– Извините, что беспокою. Можно еще один вопрос? – Парень с рюкзаком казался теперь вконец удрученным. – Тут поблизости есть какая-нибудь гостиница?

Олеся ненадолго задумалась. Она знала пару гостиниц в центре города, но точно не в этом районе. Сюда и туристы-то, наверное, никогда не забредают.

– Ммм... Честно говоря, поблизости не знаю ни одной, – ответила она наконец. Разговор через дверь с незнакомцем начинал надоедать. – Поищите в Интернете.

На этом можно было остановиться. «Простите, но я занята. Ничем не могу помочь». Но вместо этого Олеся продолжала молча смотреть в глазок. Пару секунд брюнет переминался с ноги на ногу, а потом опять заговорил:

– Еще раз извините за беспокойство, – его рука вновь потянулась к затылку, – у меня разрядился телефон, и я не могу выйти в Интернет. Можно позвонить от вас или подзарядить у вас мобильник? Я не буду заходить в квартиру, – он поднял руки с раскрытыми ладонями в предупредительном жесте, – могу оставить телефон и зарядку здесь, у двери, и подождать на лестнице. Просто... Я из другого города и рассчитывал только на Васю, а тут... Вот так получилось.

Олеся замаялась. С одной стороны, человек действительно попал в неприятную ситуацию, а с другой... Вдруг это какой-то мошенник или преступник? А она уши развесила, как пенсионерка! Хотя откуда тогда он знает Васю?

На раздавшийся гул лифта Олеся внимания не обратила. Звук был слишком привычным.

Прикинув к глазку, она рассматривала человека за дверью, взвешивая все «за» и «против» и в итоге склоняясь к мысли, что открывать незнакомцу поздним вечером – не лучшая идея. Сам факт того, что она вообще всерьез раздумывает над этим, вызывал досаду и раздражение. Как будто она чем-то обязана всем и каждому!

Тем временем створки лифта за спиной незнакомца разошлись. Внутри стояла знакомая старуха. Ее плащ на груди был чем-то запачкан.

Брюнет оглянулся и замер, вцепившись в лямки своего рюкзака. Олеся подумала, что старуху он видит не впервые. Скорее всего, по пути она уже успела ему наругать.

Впусти его.

Откуда взялась эта бредовая мысль? Олеся не собиралась делать ничего подобного.

Старуха тем временем продолжала стоять в лифте. Сморщенный палец (один из *шести* – вспомнила Олеся) удерживал кнопку, не дающую дверям закрыться. Обведенные розовым губы растянулись в стороны.

Впусти его.

Пальцы Олеси потихоньку коснулись защелки, но не повернули ее. Отпираться девушка не собиралась. Подсказываемая внутренним голосом мысль была одним из тех странных импульсов, которые время от времени посещают любого и которым нормальный человек никогда не поддается. Вроде порыва прыгнуть вниз, когда стоишь на мосту. Бред, одним словом.

От незнакомца, замершего под дверью Олесиной квартиры, старуху отделяли от силы полтора метра пустого пространства. Всего два-три шага, а потом...

Впусти его. Скорее.

Что потом? Старуха снова примется говорить гадости? Плюнет в него, вцепится в лицо? Это просто сумасшедшая бабка! Парень справится с ней одной левой, если потребуется. И если он перестанет смотреть на нее как загипнотизированный.

Почему он по-прежнему не шевелится? Почему не перестает тарашиться на старуху?

А она? Почему она просто торчит в лифте и смотрит? И это пятно на ее плаще...

«Это что, кровь?!»

Впусти его! Скорее!

Гладкий металл задвижки нагрелся под пальцами. Олеся загрохотала замком.

В конце концов, парню всего-то и нужно – позвонить. Ничего страшного. Вызовет такси и поедет в гостиницу. Всяко лучше, чем стоять в чужом подъезде наедине с психической старухой!

– Проходите, – вымолвила Олеся слегка онемевшими губами, отворив перед незнакомцем дверь, и опустила глаза. Что бы там ни произошло с этой бабкой или при ее участии, встречаться с ней взглядом девушка не желала.

Когда парень с рюкзаком, поблагодарив, переступил порог ее квартиры, створки лифта захлопнулись. Голову Олеси наполнило гудение, которое она приняла за гул удаляющегося лифта.

4

Семен вошел в квартиру, борясь с подступающей дурнотой. Он жалел, что съел тот сэндвич в кафе. Жалел, что вообще приехал сюда. В прошлый раз этот город принес ему одни неприятности, так с чего он взял, что сейчас будет иначе?

Кому ты здесь нужен? Кому ты хоть где-нибудь нужен? Что ты вообще пытаешься сделать? Сбежать? От чего? От зависимости? Это и есть ты. Твоя гнилая суть. А от себя самого не спасет даже могила.

Безрадостные мысли, пугающие своей прямоотой, путались, смешиваясь с непрекращающимся гулом в голове. Он появился во время встречи с той чокнутой старухой и усилился, когда она появилась снова. Слава богу, уже без кошки. Если бы Семен еще раз увидел темные вязкие капли, стекающие по слипшейся шерсти, его бы точно стошнило. Он мог вынести многое, но только не это. Не кровь.

И какого черта эта сумасшедшая поперлась за ним?

Оказавшись в оклеенной светлыми обоями прихожей наедине с незнакомой рыжей девушкой, Семен почувствовал себя лучше. Что на него нашло? Взгляд заскользил вокруг, выхватывая детали: чисто вымытый пол, резиновый поддон для обуви, тонкий геометрический орнамент на стенах, какие-то картинки в рамках... Уютная, обжитая квартира. Лучше, чем Ромкина. И гораздо лучше всех тех, где приходилось обитать ему.

Незнакомка прикрыла глаза и потерла переносицу кончиками пальцев, как будто тоже боролась с головной болью, а потом растерянно взглянула на Семена. Скорее всего, она уже жалела, что открыла постороннему человеку.

– Спасибо, что впустили, – еще раз поблагодарил Семен, чувствуя, что пауза затягивается. – Можно я немного подзаряджу у вас телефон? Или позвоню с вашего.

– Можете с моего, – ответила девушка и, убрав с плеча прядь влажных волос, сложила руки перед грудью, явно стесняясь слишком тонкой домашней футболки. – Куда вы хотите позвонить?

Вопрос застал Семена врасплох. Действительно, куда? У него здесь никого нет, кроме Васька. Да и тот... Куда же он делся? Почему ничего не сообщил?

– Скажите, а Вася... Я могу ему позвонить?

– Да. Только...

Договорить девушка не успела: стаскивая натерший плечи рюкзак (и на кой черт, спрашивается? потерпеть не мог?), Семен зацепил шаткую этажерку, смахнув на пол принадлежности для чистки обуви.

Косорукий!

– Извините! – Он принялся неуклюже поднимать вещи, чувствуя себя полным дураком. Влажноватые пальцы предательски подрагивали.

Едва восстановившееся внутреннее равновесие грозило вновь рухнуть. Хотелось провалиться сквозь землю. *Торчок гнилой! Там и останешься – в выгребной яме!* – звучал в ушах въедливый голос той старухи. Может, она и права. Прошло столько времени, но иногда Семен по-прежнему ощущал все то же отвращение к себе, от которого было лишь одно лекарство.

– Ничего страшного, – рыжая незнакомка тоже наклонилась, помогая собирать рассыпавшиеся по полу предметы.

Потянувшись к одной и той же щетке, они едва не стукнулись головами, и Семен уловил свежий, слегка мыльный запах ее волос.

Последний раз он находился так близко к девушке больше четырех лет назад. Это была Ленка. Первая и единственная. А потом случился метадон. И однажды Семен проснулся, а Ленка – нет. Она захлебнулась, когда ее вырвало во сне, а он даже не понял. Не услышал. А после все было уже поздно – и неумелое искусственное дыхание, и скорая...

С тех пор... Нет, он пытался, правда пытался. В отличие от большинства Семену повезло: гепатиты и ВИЧ, преданные спутники исколотых вен, каким-то чудом обошли его стороной. У него был шанс на нормальную жизнь, на нормальную любовь, но дальше нескольких поцелуев дело не заходило. Он целовал кого-то другого, а губы все равно чувствовали холодную Ленкину кожу.

Метадон оставил ему здоровье, но отнял все остальное.

Ты сам отнял у себя все.

Жестокая мысль ужалила изнутри, пока хозяйка квартиры ходила за телефоном. Выдернув из кармана зажигалку, Семен успел сделать пару успокоительных щелчков, прежде чем девушка вернулась.

– Только скажите сразу, кто вы, чтобы он не подумал, что это я звоню, – предупредила она.

Чужой смартфон в ярком чехле неудобно лег в руку. Нужный номер уже был на экране. Первые два звонка Васек сбросил, в третий раз просто не взял трубку. Снова скрестив на груди руки и привалившись плечом к стене, девушка наблюдала за попытками Семена дозвониться.

– Мы сегодня расстались, – наконец произнесла она, – так что вряд ли он рад звонкам с моего номера.

Телефон в руке Семена вдруг ожил. На экране высветилось фото Васи, и он поспешил смахнуть в сторону кружок с зеленой трубкой.

– Васек, это...

– И че ты теперь названиваешь, сука? – полузнакомый смазанный голос бурлил злостью. – Решила на коленях ко мне приползти?

– Вась, это...

– Да пошла ты!..

Не дослушав поток матерщины, Семен отключился. Он слишком хорошо знал эти истерические интонации, эту смазанную торопливость речи. Васек был под кайфом. Теперь все встало на свои места.

Все это время Семен звонил ему, писал, ждал этой встречи в надежде на нечто гораздо большее, чем формальное Ромкино гостеприимство, а он...

А она, эта девушка с рыжими волосами? Понимает ли она, что происходит?

– Как вас зовут? – Семен встретился с ней взглядом.

– Олеся.

– Олеся, лучше заблокируйте его номер. И не общайтесь с ним больше. Никогда. Он...

– Наркоман. Я знаю, – губы Олеси сжались, словно эти короткие фразы были горькими на вкус.

– Из-за этого вы и расстались?

– Да, – ответила Олеся и, помедлив секунду, добавила: – Надо было раньше.

Возможно, она ответила бы и на другие вопросы. С незнакомцами всегда легче говорить о таких вещах. Но тогда и Семену, вероятно, пришлось бы рассказать, откуда он знает Ваську. И о себе. А этого, вдруг ясно осознал Семен, ему совершенно не хотелось.

– Жаль, что так вышло, – выдавил он.

Подобных фраз ему не приходилось произносить уже очень давно, со времен групповых занятий в Центре, когда нужно было давать обратную связь на рассказы других.

Психолог долбаный, тоже мне...

Олеся, похоже, не заметила, насколько глупо это прозвучало.

– Ну, для меня худшее уже позади, – она самую малость улыбнулась, и на щеках с бледными веснушками обозначились две ямочки. Семен, опасаясь спугнуть этот хрупкий момент просветления, так же осторожно улыбнулся в ответ.

Было жаль уходить, но что еще оставалось? Спросить телефон, пригласить куда-нибудь? А смысл? Ему все равно уезжать. Особенно теперь, когда с Васьком все стало ясно. Да и в любом случае... не получилось бы ничего. Как всегда.

Тишину нарушил раздавшийся в подъезде шум лифта: сначала мерное гудение поднимающейся кабины, затем стук разошедшихся в стороны створок.

Семен вспомнил про смартфон, который так и держал в полусогнутой руке. Может, ну ее, эту гостиницу? Теперь уже без разницы. Лучше сразу на вокзал и первым же поездом – до Питера. А там можно будет и отдохнуть.

– Я тогда такси вызову, – сообщил он свое решение. – Не подскажете номер?

Олеся никак не отреагировала. Она смотрела на дверь, прислушиваясь к доносящимся снаружи звукам.

5

Шарканье шагов стихло у порога.

Его сменил сухой скребуший звук, как будто кто-то водил ногтями прямо по двери: кхррр, кхррр, кхррр... Сверху вниз, сверху вниз...

А следом отчетливо прозвучало старческое хихиканье. Несколько кашляющих смешков, и вновь – тишина.

Олеся узнала этот смех. Прозрачные волоски на предплечьях встали дыбом. Что вообще нужно этой мерзкой старухе? Почему она прицепилась именно к Олеся?!

– Это что, та психованная бабка? – спросил Семен, покосившись на дверь.

Кажется, ему тоже стало не по себе. Как и раньше, в подъезде. Или это просто отвращение? Старуха ведь и правда мерзкая.

– Наша местная достопримечательность, – Олеся тщетно попыталась придать голосу непринужденность. – Уже познакомились с ней?

Семен не успел ответить – телефон в его руке снова зазвонил.

– Это Вася, – прокомментировал он, взглянув на экран.

Олеся взяла у него трубку и сбросила вызов. Потом заблокировала номер. Она не слышала, что именно Вася сказал Семену в ответ на его звонок, но и так все понимала. Думать об этом больше не хотелось. Голова и без того начинала болеть.

«Да еще эта старуха...»

Время будто загустело, когда Олеся снова посмотрела на дверь. Новенькое полотно под дуб уже не казалось таким надежным, несмотря на двухмиллиметровый стальной лист и ночную задвижку вдобавок к двум замкам. Скрежет и хихиканье по ту сторону прекратились, но...

«Вдруг она до сих пор там?»

Конечно, где же еще.

В отяжелевшей голове снова нарастал гул. Олеся казалось, что она ощущает ток крови в сосудах: вот волна прилила к голове, а вот просочилась внутрь, глубже...

Ты разве не боишься оставаться одна?

Нет. Конечно нет. Она ведь у себя дома. В безопасности. Кстати, почему она до сих пор продолжает разговаривать с этим парнем? Почему она вообще впустила его?

Хочешь, чтобы он ушел?

Да. Пусть в итоге он оказался не грабителем или маньяком, а действительно Васиным знакомым, но теперь ему пора уходить. Вроде бы он спрашивал номер такси...

Но тогда придется открыть эту дверь.

Да. А за ней...

Олеся была уверена, что старуха все еще там. Стоит прямо на пороге, подслушивает их, поджидает, а как только дверь откроется...

Не открывай.

«Господи, да что за сумасшествие такое? Это просто древняя бабка! Дунешь – полетит!»

Олеся резко выдохнула и прижала ладони к лицу, уже не волнуясь о том, насколько ненормально это выглядит со стороны. В конце концов, парня с рюкзаком она больше никогда не увидит.

– Все в порядке? – спросил Семен, и Олеся пришлось опустить руки.

– Да, все нормально. Просто устала.

Он должен остаться, – произнес внутренний голос.

До сегодняшнего вечера Олеся никогда не воспринимала его как нечто отдельное от себя, но сейчас... Неужели это еще один нервный срыв? Нет, хватит. С нее довольно. Больше никаких больниц, никаких одуряющих уколов! Это всего лишь усталость. Очень сильная усталость, вот и все.

Секунды продолжали тянуться густым киселем, а невидимые приливы и отливы в голове никуда не исчезли. Их пульсация ощущалась все глубже.

И, что еще хуже, поле зрения снова сдавливало кольцо черноты.

«Пожалуйста, не сейчас».

Он должен остаться!

– Получается, вам теперь негде переночевать? – вопрос вырвался прежде, чем Олеся успела его осознать. В груди болезненно зачастило сердце.

«Господи, что я творю?»

– Вообще – да, – ответил Семен. – Но это ерунда, я вызову такси и...

«И правильно! Надо выкинуть эту глупость из головы...»

ОН ДОЛЖЕН ОСТАТЬСЯ!

– Оставайтесь у меня, если хотите, – окончательно утратившие чувствительность губы выговаривали слова вопреки здравому смыслу. Чернота плескалась в углах глаз. – В гостиной есть диван.

– Ну... – Семен смущенно наклонил голову, опять приглаживая волосы на затылке. – Не хочется вас напрягать, если честно. Договор у меня был с Васей, так что...

Он останется.

– Если бы я не выгнала его, вы бы все равно ночевали здесь. – Олеся напряженно улыбнулась. Перед глазами то темнело, то снова светлело, а воображение рисовало образ ухмыляющейся бабки в желтом шерстяном берете, прижимающейся к двери квартиры с той стороны. Что если после ухода Семена она там и останется?

Конечно, останется. Ты ведь знаешь это.

Сознание балансировало на грани приступа. Тоннель черноты сужался, и Олеся видела каждый серо-желтый катышек на берете, каждый загибающийся ноготь на всех шести пальцах, скребущих по двери.

Ты все еще хочешь открыть эту дверь?

«Нет. Не хочу».

Что-то беззвучно проворачивалось в голове у Олеси, рождая это понимание. Нескончаемый гул стихал до уровня фонового шума. Чернота таяла. Зрение возвращалось.

Разве внутренний голос может обманывать?

– Знаете, сегодня... Сегодня у меня был просто безумный день, – к губам вернулась чувствительность, но слова все равно как будто вздрагивали и застревали на выходе. – Мне пришлось выгнать трех... нет, даже четырех наркоманов из собственной квартиры, и... Я впервые в жизни угрожала человеку ножом, – Олеся издала придушенный смешок. – В общем, ужасный день! – добавила она, заметив, что Семен колеблется. – И общество хоть одного нормального человека мне точно не помешает.

– Уверены? – уточнил Семен. Правой рукой он выудил из кармана куртки металлическую зажигалку (видимо, по привычке) и тут же убрал обратно.

– Да.

– Спасибо за приглашение, – выдохнул он, еще раз быстро пригладив ладонью волосы. – Извините, что так вышло. И... можно на «ты», если что.

– Хорошо, – кивнула Олеся, чувствуя, как ее накрывает теплая волна облегчения. – Куртку вот сюда можно повесить, а обувь оставьте... оставь на коврик.

И все-таки облегчение не было полным. Что-то скребло внутри, в самой глубине, полной острых подводных камней.

Чернота появилась второй раз за день. Такого не бывало никогда. И этот парень... Зачем она пригласила его? О чем она вообще думала?!

Олесю захлестнула тревога, но секунду спустя наполненное гулом сознание услужливо подsunуло объяснение.

Старуха за дверью. Внутренний голос. Предостережение.

Когда Семен прошел в комнату, аккуратно держа перед собой рюкзак, Олеся проверила, заперта ли дверь, и быстро глянула в глазок. За дверью никого не было.

Она распласталась по стене сбоку от двери Олесиной квартиры, широко расставив ноги и вытянув руки в стороны: ладони растопырены, сгорбленное прежде тело вытянуто в струну.

Голова ее медленно поворачивалась вправо – до тех пор, пока подбородок не коснулся плеча. А потом повернулась еще. Что-то хрустнуло, и дряблая щека прижалась к крашеной штукатурке. С похожим хрустом вывернулись наружу ступни в грязных ботинках. Теперь они плотно прилепали к тому месту, где стена соединялась с полом.

Тело старухи пришло в движение. Торс удлинялся, кривился набок, таз и плечи раздавались шире, а раскинутые шестипалые руки ползли дальше в стороны, вылезая из рукавов. Под одеждой влажно хрупнуло, и грудная клетка, провалившись внутрь, впечаталась в стену.

Она больше не походила на ту неприятную старую женщину, которую видели Олеся и Семен. Она никогда и не была ею – лишь принимала форму, удобную для этого мира.

Пальцы, скребущие по шершавой штукатурке, остановились последними. Отросшие когти ковырнули поверхность стены, а затем вонзились в нее, погрузились внутрь, как в мягкую глину. Кожа и одежда посерели, будто подернувшись пыльной паутиной.

Теперь Серая Мать чувствовала весь этаж. Чувствовала их всех, где бы они ни находились: в комнатах, в ванной, на лоджии... Потерянных. Мятущихся. Запертых в своем тесном мирке, ограниченном черепной коробкой.

Больше не было нужды приклеиваться к ним по очереди и тянуть из каждого понемногу. Настало время вернуться обратно, и в этот раз ей потребуется гораздо больше. Потребуется они все. Новому Дитя нужны будут плоть и кровь, Колыбель и пища.

Именно поэтому Серая Мать взяла новенького. И не ошиблась: он оказался податливым, как пластилин. С такими просто. Мни их, как хочешь, лепи, что угодно. Другое дело – девочка. На нее пришлось потратить больше сил, несмотря на изъян, притаившийся в ее мозге. А может, как раз из-за этого изъяна, плотного и непроглядного, как обломок черной слюды. Из-за этого болезненного обломка. Но все, что болит, можно использовать. И неважно, насколько глубоко прячутся человеческие червоточины – Серая Мать знала, как разбудить их.

Все изменится, когда они окажутся по ту сторону.

Изломанное серое тело, лишь отдаленно похожее на человеческое, вновь шевелилось, сминаясь и размазываясь по стене уродливым барельефом. Тающая плоть пронизывала бетон, ползла вверх и вниз, вглубь и вширь.

Копировать и перемещать было привычно. Но людские устройства и механизмы, их пища и бесконечные залежи вещей – все это раздражало. Утомляло. И все же она готовилась давно и насыщалась долго. Накопила достаточно сил. Пора было наконец продолжить себя, создать новую жизнь, какой до этого еще не было.

Скомканное лицо с прилепившимся сверху беретом – уже не предметом гардероба, а живой частью целого – прорезали тонкие щели многочисленных ноздрей. Тарашившийся над ними водянистый глаз мигнул и закрылся.

Очертания уродливого силуэта постепенно сгладились, оставив после себя ровную, слегка припорошенную серой пылью стену.

Субботнее утро

1

Утро выдалось не из лучших. С мрачным лицом пенсионер Хлопочкин поднялся на площадку между пятым и шестым этажами. Здесь, рядом с жерлом мусоропровода, располагалась его кладовка – свободный закуток позади шахты лифта, давным-давно отгороженный самодельной стеной с дверью. Такие же импровизированные кладовки были и на других этажах.

Наклонившись, чтобы опустить на пол коробку с соковыжималкой, Хлопочкин болезненно поморщился. Дернул же черт пойти с женой на этот юбилей! Всего три стопки, а голова чугунная. Да, не тот уже возраст.

Прежде чем достать ключ, Хлопочкин придирчиво оглядел металлическую дверь, крашенную позавчера коричневой половой краской – единственной, которая нашлась в хозяйстве. Красить заставила жена: всю плешь проела из-за того, что дверь забрызгали краской для стен во время ремонта подъезда. Как будто она от этого закрываться перестанет!

Теперь посвежевшая дверь кладовки слегка поблескивала в тусклом свете пасмурного утра, проникающем через подъездное окно. На ощупь – высохла. Удовлетворенный осмотром, Хлопочкин вытащил из кармана спортивных штанов длинный ключ. Вонзившись в замочную скважину, тот с непривычным скрежетом провернулся, а затем застрял на половине оборота. Шумно выдохнув – этого еще не хватало! – Хлопочкин попробовал повернуть ключ обратно. Тщетно. Ключ больше не двигался.

Провонзившись еще несколько минут с безнадежно застрявшим ключом, пенсионер выругался вполголоса, снова подхватил коробку и направился обратно в квартиру. Шея над воротом футболки и лысина в окружении остатков седых волос багровели от гнева.

– Черт знает что! – выдохнул он, пройдя в кухню, где под аппетитное скворчание яичницы и рокот старой кофеварки делала бутерброды его супруга, Алла Егоровна. Отложив нож, она вопросительно воззрилась на мужа.

– Что случилось?

– Да ключ застрял! – раздраженно бросил Хлопочкин, усаживаясь на табуретку. – А ведь замок-то новый, и года не прошло! Наклепают дерьма! Есть у нас номера этих... мастеров? Которые замки вскрывают?

– Не знаю, – пожал плечами Алла Егоровна, возвращаясь к бутербродам. – Посмотрю. Ты сегодня хочешь звонить? Мы ведь на дачу...

– А когда? Через неделю? – резко оборвал ее супруг. – Тогда уже и без них все вскроют! Ключ в двери торчит – найдутся умельцы! Ты думаешь, комплект зимней резины – это так, шуточки? А инструменты? А мясорубка твоя за пятнадцать тысяч? Один раз залезут – и все, ищи ветра в поле!

Виктор Иванович Хлопочкин, почти сорок лет отработавший завскладом, к материальным ценностям всегда относился трепетно. Пожалуй, даже слишком. Заметив, как поджала губы жена, он понял, что слегка перегнул палку.

– В общем, Аллочка, сама знаешь, это все денег стоит, и оставлять вот так, на авось, не годится! Времена теперь такие. А на дачу можно и завтра. Нам-то что, пенсионерам? – он попробовал улыбнуться, хотя голова все еще болела.

– Сначала позавтракаем, а потом звонить будешь, – смягчилась Алла Егоровна. – А кстати! Кофеварка тоже новая нужна!

– А что с ней?

– Все утро отключается сама по себе, – Алла Егоровна бросила взгляд на кофеварку. – Вот, видишь? Огонек не горит! Не греет, значит!

– Может, контакт какой отходит, – пробормотал Хлопочкин и, подперев гудящую голову рукой, с тоской посмотрел на притихшую кофеварку. Да уж, выдалось утрецо... Может и хорошо, что на дачу не поехали.

После завтрака Алла Егоровна перерыла свою корзинку с визитками, но телефонов слесарей по замкам так и не нашла. В итоге Виктор Иванович устроился на диване в гостиной с ворохом бесплатных газет с объявлениями. Мелкий газетный шрифт он не любил – приходилось надевать очки, – но хоть голова прошла, и на том спасибо.

– Может, по компьютеру посмотришь? – предложила жена, робко кивнув на доставшийся от сына старый ноутбук, покоившийся на укрытом вязаной скатертью столике. Хлопочкин в ответ только махнул рукой – мол, ну его! – и снова уткнулся в газету. С ноутбуком и вхолостую раздающим вай-фай роутером он пока не очень освоился.

Алла Егоровна тем временем провела ревизию на кухне, составила список продуктов и отправилась в магазин. Вернулась она не то чтобы слишком быстро, но все-таки гораздо раньше обычного.

На одеревеневших ногах она вошла в квартиру, прикрыла, но не заперла дверь, а после застыла посреди прихожей: рука с сумочкой висит плетью, кокетливая шляпка сбита набок, чуть подкрашенные губы дрожат.

– Что-то ты быстро... – с телефоном в руке высунулся в прихожую Хлопочкин. Позвонить по найденному в объявлениях номеру он еще не успел.

Едва увидев его, Алла Егоровна вдруг выпустила сумочку из ослабевшей руки и горько расплакалась.

Хлопочкин неуклюже засуетился вокруг, пытаясь привести жену в чувство. Помог раздеться, усадил на диван, накапал в стакан с водой противно пахнущего корвалола и заставил выпить. После каждого глотка Алла Егоровна пыталась что-то сказать, но зачатки фраз вновь и вновь захлебывались в рыданиях.

Наконец, когда стакан опустел, она дрожащим голосом пополам со всхлипами произнесла:

– Ви-витя... К-кажется, у меня это... Н-нача-лось... Сла... Слабоумие... С-старческое-еее...

Последний звук перешел в новое протяжное рыдание. Хлопочкин приготовил вторую порцию корвалола и сам отпил из стакана, прежде чем отдать жене. В семейной жизни, конечно, всякое бывало, но от этой необъяснимой драмы у него опять начало подниматься давление; он уже чувствовал, как тяжелеет затылок.

– Аллочка, ну... Ну в самом деле... Ну какое слабоумие? С чего ты это взяла? – опустив ладонь на колени жены, острым углом выпирающие сквозь юбку, Виктор Иванович пытался одновременно и успокоить, и расспросить ее.

– П-потому что... – ровные искусственные зубы Аллы Егоровны стукнулись о край полупустого стакана, – потому что... – в ее глазах плескалось отчаяние, но слез, к счастью, больше не было, – я не могу выйти из подъезда!

– Как не можешь? – опешил муж. – Закрыто там, что ли?

– Нет! – почти выкрикнула Алла Егоровна, вновь балансируя на грани истерики. – Я не могу выйти с нашего этажа! Кажется, что иду по лестнице, а на самом деле нет! А лифт не работает! Или, может, я забыла, как он работает! Это как в той передаче, Витя! Помнишь, позавчера? Где врачи рассказывали про слабоумие и про то, что стариков потом... в интернат... в интернат...

Миниатюрная Алла Егоровна закрыла лицо руками и сжалась на краешке дивана, сделавшись совсем крохотной. Вновь послышались всхлипы.

– Ну что ты, Аллочка... В самом деле... – Виктор Иванович неловко обнял жену, притянул к себе. – Ну что ты себе такого напридумывала... Ну сломался лифт, времена такие...

– А лестница? – Алла Егоровна подняла на мужа заплаканные глаза. – С лестницей-то что?

– А лестница... А лестницу мы сейчас проверим! – решительно произнес Хлопочкин. – Давай, Аллочка, поднимайся. Пойдем.

Подхватив жену под руку, Виктор Иванович повел ее в прихожую.

– Вот, надень тапочки, – спохватился он, заметив, что Алла Егоровна босиком. Удовлетворенно проследил, как узкие ступни одна за другой скользнули в тапки. Давненько он не чувствовал себя таким... таким сильным. Настоящим отцом семейства. Впрочем, семейство давно разъехалось по разным городам и завело собственные семьи... Но Аллочка-то осталась! Такая же хрупкая, как и в юности.

Оказавшись в подъезде, первым делом проверили лифт. Действительно, не работает. У Аллы Егоровны отлегло от сердца.

– Вот видишь! – Хлопочкин тоже повеселел. Даже давление, кажется, отпустило. – А ты! Слабоумие какое-то придумала... Ну куда это годится! Ты ж у меня о-го-го еще! Нам еще жить и жить!

Спустились на один пролет, на площадку между этажами.

– Вот, пожалуйста, – прокомментировал Хлопочкин. – Никаких препятствий. Вот...

Виктор Иванович вдруг замолчал. Прямо перед ним была дверь его собственной кладовки: коричневая, блестящая свежей краской, с тем самым ключом, застрявшим в замке.

Была-то была, да только на самом деле никак не могла быть, ведь они с женой шли вниз, а кладовка находилась наверху!

– Мистика какая-то... – пробормотал Хлопочкин. – Двери одинаковые, что ли...

Еще раз искоса глянув на коричневую дверь, Виктор Иванович спустился ниже, на четвертый этаж. Бледная Алла Егоровна с ладонью, будто приросшей ко рту, следовала за ним по пятам. У подножия лестницы они оба остановились. Этаж определенно был четвертый, потому как находился под их пятым, но внешне ничем не отличался. Часто моргая, Хлопочкин уставился на синюю цифру «пять», намалеванную на стене напротив лифта.

– Да не может... Как же они, в самом деле...

Бессвязный монолог Хлопочкина прервало щелканье замка.

Дверь без номера рядом с синей пятеркой отворилась, и из квартиры вышел незнакомый парень с увесистым рюкзаком за плечами. Он коротко попрощался с рыжеволосой девушкой, оставшейся в квартире. По этим рыжим волосам Хлопочкин ее и узнал – это была соседка. Их соседка, с пятого этажа, из двадцать третьей.

Скользнув по ним коротким взглядом, парень поправил рюкзак и вызвал лифт.

– Не работает, – автоматически пояснил Виктор Иванович и сам удивился звуку собственного голоса. Алла Егоровна в подтверждение его слов мелко закивала, по-прежнему не отнимая руку от лица.

– Жаль, – коротко прокомментировал незнакомец и, обогнув их, поспешил вниз по лестнице.

Звук шагов размножился, переметнулся вдруг вверх и внезапно затих.

Одновременно обернувшись, Хлопочкины увидели того же парня, замершего на верхней площадке, у кладовки. Парень тоже смотрел на них, и лицо его продолжало удивленно вытягиваться.

2

Олеся с трудом разлепила веки. Спальню наполнял холодный алюминиевый свет пасмурного дня. Казалось, что оторвать неподъемную голову от подушки будет невозможно. Давило распластавшееся за окном серое, почти лишенное облачных очертаний небо. На его фоне плоские крыши соседних домов выглядели уныло и безжизненно. В такую погоду Олеся всегда хотелось поспать подольше и полениться, но воспоминание о вчерашнем вечере буквально подбросило ее над кроватью.

«У меня в квартире посторонний человек».

Не глядя больше по сторонам, Олеся выпуталась из одеяла, села в кровати и принялась торопливо переодеваться. Вчера она легла спать прямо в домашней пижаме (в ночнушке в присутствии чужака она чувствовала бы себя практически голой), а теперь надела джинсы и свитер. Необходимость ходить дома в «уличной» одежде удручала. Как будто в своей квартире она по-прежнему не была в безопасности. Как будто начавшееся вчера до сих пор не закончилось.

Оставить ночевать незнакомца – о чем она вообще думала?! Да, она знает его имя, и он старый приятель Васи...

«А кто теперь для меня Вася? Да никто!»

Сейчас, при свете дня, ни один из вчерашних «разумных» доводов не казался убедительным. Олеся не могла даже толком вспомнить их, и от этого становилось не по себе. Да, она испугалась той чокнутой старухи, это правда. Но приглашать к себе из-за этого незнакомца парня...

Олеся зябко передернулась всем телом, почти как собака, вылезшая из воды. Затесавшийся в доверие незнакомец ничем не лучше, чем совместная жизнь с наркоманом. Об этом она тоже не станет никому рассказывать. Никогда.

«Теперь главное – выпроводить его поскорее!»

Электронные часы на тумбочке у кровати ритмично мигали: бледно-зеленые цифры 00:00 вспыхивали и гасли. Выходит, только что отключалось электричество. Олеся взглянула на наручные часы. Половина первого? Такого просто не могло быть! Присмотревшись, она поняла, что секундная стрелка не движется. Поднесла запястье с часами к уху. Так и есть, остановились. Видимо, села батарейка.

Часы у кровати продолжали мигать нолями, так и не начав отсчитывать минуты. Смартфон тоже куда-то запропастился. Стараясь не обращать внимания на проклюнувшийся внутри росток беспокойства, Олеся направилась к выходу из спальни. Уже взявшись за дверную ручку, на мгновение замешкалась. Что ждет ее там, снаружи? Отогнав навязчивые образы погрома в квартире и отсутствующей техники, она вышла в коридор и повернула налево.

В гостиной все было на своих местах. Семен стаскивал пододеяльник с одеяла, которое дала ему вчера Олеся. Рядом на диване лежали освобожденная от наволочки подушка и аккуратно сложенная простыня. Одежда Семена – футболка с длинными рукавами и джинсы – была слегка помятой. Похоже, он тоже спал не раздеваясь.

– Доброе утро. – Виноватый взгляд Семена метнулся к дивану и обратно. Как будто он совершил преступление, переночевав здесь. Олеся стало неудобно за свои глупые опасения.

– Доброе утро, – эхом отозвалась она.

– Не подскажешь, сколько времени? У меня телефон, кажется, полностью сдох, – Семен кивнул в сторону смартфона, лежащего на полу рядом с рюкзаком вместе со шнуром зарядки.

– Электричество отключали. Может, из-за этого... – Олеся подняла руку с часами, но тут же спохватилась. – У меня в часах батарейка села. А телефон где-то... – она рассеянно огляделась. – А, вот.

Телефон лежал на комод. Вчера вечером она сама его там и оставила, когда доставала постельное белье для Семена. Случайный знакомый оказался хорошим слушателем, и Олеся словно прорвало: она в красках рассказала ему и о расставании с Васей, и обо всем, что происходило до этого. Хотя все равно странно: как она могла лечь спать без телефона под рукой, когда в доме находился незнакомец?

– Десять часов, – быстро глянув на экран, Олеся убрала смартфон в карман джинсов и, пытаясь избегать неловких пауз, предложила: – Будешь завтракать?

Снова покосившись на диван, Семен замешкался с ответом, но его заменило громкое урчание в животе.

– Спасибо, не откажусь, – смущенно улыбнулся он. – Только... Если ты не против, можно я покурю на балконе?

Олеся разрешила, заодно вспомнив, что где-то на лоджии осталась Васина банка для окурков, про которую она забыла во время вчерашней уборки.

Венчик торопливо стучал по миске, взбивая яйца для омлета. Олеся вполне устраивала ее квартира, но сейчас, стоя спиной к гостиной и лоджии, где курил Семен, она жалела, что кухня не отделена никакой перегородкой. Девушка ощущала давно забытое волнение: как в детстве, когда кто-то из родителей следил, как она готовит. Это было глупо. Даже если Семен смотрит на нее через окно, нет никакой разницы, что именно он подумает о ее кулинарных навыках. А воображать себя героиней фильма, где после дурацкого случайного знакомства происходит что-то романтическое... Олесе сделалось противно от подобных мыслей. К черту всю эту глупую романтику! В ее жизни и без того происходит...

– ...какая-то хрень! – пробормотала Олеся себе под нос, яростно щелкая переключателями плиты.

Та конфорка, на которую она поставила сковородку, и не думала нагреваться, хотя прошло уже достаточно времени. Может, что-то сломалось, когда отключали электричество?

К счастью, с другой все было в порядке.

– Ты ночью слышала что-нибудь?

Олеся вздрогнула. Поглощенная приготовлением завтрака, она не заметила, как вернулся Семен.

– Что именно? – спросила она, обернувшись.

– Там как будто ураган прошел, – Семен показал рукой за спину, в сторону лоджии. – Вчера еще на деревьях листья были, а сегодня – голые ветки.

Олеся бросила взгляд через гостиную поверх его плеча. Действительно, за окнами лоджии торчали голые и черные макушки деревьев, хотя вчера – Олеся это точно помнила – было еще много желтеющих листьев. Она так быстро выскочила из спальни, что даже не постояла, как обычно, у окна, иначе заметила бы это раньше.

– Нет, я ничего не слышала, – она покачала головой.

– Я тоже. Спал как убитый.

А когда обычно облетают все листья? Олеся на мгновение задумалась. Шла вторая половина сентября.

«Все-таки рановато».

Стоявшая снаружи пасмурная снулость постепенно просачивалась в квартиру, принося с собой давящее уныние. Чтобы разогнать это ощущение, Олеся старалась поддержать беседу за завтраком:

– Значит, ты путешествуешь?

– Не совсем... Скорее, переезжаю на новое место.

– А куда, если не секрет?

– В Сочи. У меня там... У меня там друг живет, работу предложил, вот и... – не окончив фразу, Семен неопределенно взмахнул вилкой.

– А кем ты работаешь?

– Ну... Вообще я на лесозаготовках работаю... Работал, – отвечая на вопросы, Семен предпочитал смотреть либо в тарелку, либо в сторону гостиной и лишь изредка бросал короткий взгляд на собеседницу. – На форвардере. Это такая машина, которая лес грузит.

– Тяжело, наверное, – принужденно заметила Олеся, чувствуя, что беседа не клеится. И зачем она вообще начала приставать к нему с расспросами? Пусть лучше скорее поест и уходит.

– Бывают вещи и потяжелее, – задумчивый взгляд Семена снова сместился в сторону дивана, стоящего посреди гостиной.

Казалось, Семен больше не заговорит, но он вдруг спросил:

– Трудно в медицинском учиться?

Олеся помедлила с ответом. Неужели она успела рассказать о себе так много? И, главное, зачем? Вспомнив свое вчерашнее самочувствие, Олеся поняла, что особой причины для откровенности и не было: она просто ощущала себя опьяневшей и простуженной одновременно, в голове туманилось и отчаянно хотелось говорить. Точнее – не хотелось молчать. Не хотелось оставаться в одиночестве. Хотя все, чего она желала до этого – спокойно побыть одной. Раздвоение личности какое-то!

– В колледже не очень трудно, – помедлив, ответила она. – В универе сложнее было.

– Ты поэтому перешла в колледж?

– Нет, из-за... – Олеся осеклась. Когда ее спрашивали об этом в колледже, она объясняла свой уход с медфака именно сложностями с учебной, но сейчас кривить душой почему-то не хотелось. – На самом деле из-за дедушки. Это он хотел, чтобы я училась на врача. Он сам был врачом. Хирургом. Учиться было тяжело, но он всегда меня поддерживал, когда что-то не получалось, занимался со мной, а потом... Он умер от инфаркта, когда я была на втором курсе. Как раз перед зимней сессией. И я не сдала. Поняла, что без него... точно никогда не сдам. – К горлу подступил комок, и Олеся, стиснув челюсти, тоже устала в тарелку. – В общем, это, наверное, была его мечта, а не моя. Поэтому я и ушла.

– Если это не твоя мечта, то почему тогда медицинский колледж, а не что-нибудь другое?

– Просто... Нет, на самом деле я не против медицины, но уровень универа точно не потяну. Поэтому колледж. Хотя... – Олеся вновь подняла взгляд на Семена: – Я вообще не представляю, как буду работать. Когда выходим на практику, у меня все через пень-колоду! В итоге получается, но как-то не так.

– На практике всегда все как-то не так. – Теперь Семен тоже смотрел на Олеся.

Дружеская улыбка смягчила его лицо, а потеплевший взгляд чуточку напоминал дедушкин.

Только что Олеся была уверена, что способность испытывать к кому-либо симпатию еще не скоро вернется к ней, а сейчас... Впрочем, неважно. Каким бы хорошим человеком ни оказался Семен, ему в любом случае предстояло уехать. Это было вынужденное знакомство, и, учитывая его обстоятельства, какая-то часть Олеси (опять это раздвоение!) хотела, чтобы оно поскорее закончилось.

После завтрака она объяснила Семену, как дойти до ближайшей остановки и на какой автобус сесть, чтобы добраться до вокзала.

– Не думай, что у тебя что-то не получится, – сказал на прощание Семен. – Просто делай.

Когда дверь за случайным гостем закрылась, Олеся все-таки пожалела, что не спросила, как с ним связаться – просто чтобы узнать, как он доберется до Сочи. Рука потянулась было обратно к дверной ручке, но Олеся тут же одернула себя: не хватало еще выбегать следом в подъезд!

Погасив свет, она некоторое время стояла в коридоре и разглядывала висящие на стене фотографии цветов и ягод из родительского садика. Дверь в спальню была закрыта, и в пасмурном свете, попадающем сюда из гостиной, они казались поблекшими и постаревшими, как

картины на стенах заброшенного древнего замка. Прикрыв глаза, Олеся представила старинную крепость, стоящую на самом краю высокого утеса. Вокруг – только скалы, море и ветер, а внутри – лишь она одна. Бояться некого, переживать не о чем.

Олеся повторяла про себя, что так оно и есть, что она наконец-то наедине с собой, в тишине и покое. Только покоя почему-то не ощущала.

Вернувшись в кухню, она первым делом решила вымыть посуду. После вчерашнего бардака хотелось, чтобы в квартире было как можно чище.

Льющаяся в раковину вода оставалась холодной, сколько бы Олеся ни выкручивала горячий кран.

«Да что ж за хрень-то такая!»

Смирившись, она все-таки стала мыть посуду, но, как бы сильно ни терла ее губкой, на поверхности все равно оставались какие-то мелкие частички, похожие на песчинки. Повертев в руках бутылку с гелем для мытья посуды и не найдя отметку о сроке годности, Олеся решила, что он испортился – и пахнуть перестал, и цвет какой-то странный... Когда раковина опустела, никакого облегчения она не почувствовала.

Комкая в руках вафельное полотенце, полное песчаных частичек, Олеся пересекла гостиную и вышла на лоджию. Обычно наблюдение за улицей успокаивало, помогало упорядочить мысли, но сегодня этого не произошло.

Олеся ожидала увидеть цветной ковер из осенних листьев под полностью обнажившимися за ночь деревьями, но на голой земле, лишь кое-где топорщившейся островками жухлой травы, не было ни листочка. Неужели их все унесло ветром? Или это дворник взялся за работу ни свет ни заря? Даже если так, все равно должно было остаться хоть немного листьев, должно было...

Кальян!

Взгляд Олеси заскользил по земле под деревьями напротив, но там было пусто. Впрочем, это как раз ничего не значило. Выброшенный вчера кальян кто-нибудь мог и утащить. Гадая о причинах необычного исчезновения листьев, Олеся продолжала рассматривать улицу за окном.

Стоявшая с утра пасмурная погода ничуть не улучшилась: дождя не было, но тяжелые пепельные тучи нависли еще ниже, не пропуская ни одного солнечного луча. Будто и не было никогда никакого солнца. Дальние дома тонули в слепом тумане, и казалось, что весь город погружен в это снулое марево без конца и края. Улица напоминала выцветшее фото. Даже вывеска аптеки через дорогу сегодня не светилась.

А еще настораживали необыкновенные безлюдье и тишина. Пустая дорога, пустые тротуары по бокам. Маленькая стоянка перед домом тоже пустовала. Нигде не было ни одного автомобиля, ни одного прохожего. Неужели все повально разъехались по дачам под конец сезона? А птицы? Где вездесущие голуби, почему чайки не кружат над помойкой?

«Может, я проспала апокалипсис?»

Олеся попыталась улыбнуться, но смутное беспокойство, зародившееся еще с утра, сделало только ощутимее.

Но ведь худшее позади, так? Васи здесь больше нет. На всякий случай надо будет сменить замки, но в остальном... В остальном все в порядке, верно?

Однако Олеся чувствовала: что-то точно *не* в порядке. Разумеется, не на улице – никакого апокалипсиса на самом деле быть не могло. Но среди этой гадкой серости она чувствовала себя слишком уж одинокой. Пугающе одинокой.

Может, стоит все-таки рассказать родителям о расставании с Васей? И, если уж на то пошло, о причинах этого расставания. Да, вчера она не собиралась никому ничего говорить, но... Так будет правильнее. Пусть они будут шокированы, пусть считают ее дурой, но зато не

придется обманывать их, выдумывая какие-то другие объяснения. Только рассказать обо всем надо, само собой, не по телефону.

На этих выходных предстояло готовиться к семинару, и потому Олеся до сих пор не собиралась ехать к родителям, но теперь, поразмыслив, решила, что успеет все выучить и вечером в воскресенье. Ей просто необходимо побыть дома, в поселке – действительно *дома* – хотя бы сутки. Вырваться из этого холодного серого города. Отвлечься от всего и ни о чем не заботиться. Позволить маме и папе самим позаботиться о ней, как раньше.

Приложив телефон к уху, Олеся вернулась на лоджию, продолжая рассматривать дом напротив. Сплошь серый, как и небо над ним, в темных окнах – ни огонька. Хотя это как раз не странно, все-таки день на дворе.

От созерцания дома Олеся отвлек резкий шелест помех в трубке. Сморщившись, она отстранила руку со смартфоном от головы. Фотография мамы на экране скособочилась и двоялась, значки не реагировали на прикосновения. В динамике продолжало громко шипеть. Наконец вызов прекратился сам собой. Телефон погас и больше не включался.

Только этого не хватало! Смартфон был почти новым, купленным на деньги от летней подработки официанткой. Что если это не гарантийный случай? Снова просить деньги у родителей?

Тяжело вздохнув, Олеся прислонилась лбом к холодному металлу рамы и закрыла глаза. Что ж, придется сперва поехать в сервисный центр, и только потом – на автовокзал. А сообщение маме можно написать и с ноутбука.

Когда Олеся открыла глаза, за окном ничего не изменилось. Серое небо, серые дома, серый асфальт.

Серая пустота.

В животе неприятно засосало, будто она и не завтракала.

«Что за мерзкое утро!»

Почти прижимаясь лицом к стеклам для лучшего обзора, Олеся посмотрела по сторонам. Наверняка где-то под окнами пристроилась пара автомобилей тех, кто без дач, или бродит какой-нибудь собаковод, или...

Ничего. Никого. И эти деревья... Странно, но Олесе начинало казаться, что вчера (и вообще всегда) они были *другими*. Росли не так и не там. А сплошь черного дерева прямо напротив она и вовсе не помнила. Разве на его месте не была раньше обычная береза?

В этот момент внимание Олеси привлекло какое-то движение справа. Сместив взгляд, она увидела ковыряющуюся под деревьями темную собаку, очень крупную и очень тощую. Наконец-то! Хоть кто-то!

И все-таки... Продолжая рассматривать ее, Олеся поняла, что собака была не просто крупной, а огромной. Явно больше метра в холке. Почти как лошадь! Или это и есть очень тощая лошадь? Тощий пони? Но ее шея и хвост...

Скелетообразное существо с чертами собаки и длинными лошадиными ногами подняло вверх узкий овал головы. Чуткие уши шевельнулись. Выждав пару мгновений, оно вдруг сорвалось с места и в несколько скачков скрылось за углом дома.

Секунду спустя в прихожей раздался звонок.

3

– Смотри, – сказал Семен и начал спускаться по лестнице.

Когда он снова появился на пороге ее квартиры и начал объяснять что-то насчет «зацикленной лестницы», Олеся ничего не поняла. Рядом с Семеном стояли пожилые мужчина и женщина – соседи по этажу, выглядевшие такими же растерянными.

И вот теперь Семен спускался вниз, на четвертый этаж, но каким-то непостижимым образом появлялся сверху, как будто шел с шестого. То же самое – в обратную сторону: он поднимался на шестой, но вдруг появлялся на лестнице снизу, с четвертого этажа. И так – каждый раз.

– Это мистика какая-то... – снова и снова повторял пузатый сосед с лысиной, растерянно разводя руками.

Его сухонькая супруга не говорила ничего, только стояла рядом, уцепившись за его локоть, и покусывала губы со следами стершейся помады.

– Офигеть... – выдохнула Олеся, когда Семен в очередной раз появился наверху, хотя на самом деле должен был оказаться этажом ниже. – Это как вообще?

– Без понятия, – развел руками Семен.

Олеся вопросительно глянула на пожилых супругов, но те ничего не сказали, продолжая тарашиться на два лестничных марша, вроде бы уходящих вверх и вниз, но на самом деле – ни туда и ни сюда.

– А что ты там видишь, когда проходишь? – спросила она у Семена.

– То же самое, – ответил Семен. – Этот этаж и вас.

– Нет, когда ты посередине стоишь, на площадке между лестницами, что оттуда видно?

– То же самое.

– В смысле, мы стоим на обоих этажах?

– Нет, вы как бы... В общем, сама глянь, – опираясь одной рукой о перила, Семен поминал Олеся к себе. Видя, что она колеблется, он добавил: – Или посмотри, что там внизу.

Олеся подошла к ведущему вниз лестничному маршу. Все вроде бы выглядело как обычно, но на фоне невозможного поведения лестницы это ощущение нормальности казалось обманчивым, заставляя Олеся двигаться медленно, как по минному полю. Спустившись на пару ступенек, она остановилась.

Внизу, чуть ниже идентичной площадки с кладовкой и мусоропроводом, стоял Семен. Подняв голову, он помахал ей рукой. Картинка перед глазами покачнулась, размылась. Олесе показалось, что пол уходит у нее из-под ног, и, прикрыв глаза, она схватилась за перила. Головокружение пропало.

Голос Семена, раздавшийся сначала вроде бы снизу, каким-то образом сместился вверх:

– Видишь меня и там и там?

Олеся открыла глаза, посмотрела вверх и опять увидела Семена, тот махал ей рукой. И снова – чувство головокружения, словно Олеся оказалась внутри трубы-калейдоскопа, которую встряхнули, чтобы получить новое изображение. Неужели Семен этого не ощущает?

– Да, – сдавленно ответила она и, отпустив перила, отошла подальше от лестницы. На расстоянии головокружение снова прошло.

– И я вас так же вижу. Сначала вы вроде в одном месте, а потом в другом...

– Но как такое возможно? – вдруг подала голос пожилая дама. – Ведь это же... ненормально! – Ее губы задрожали. – И как нам теперь выйти наружу?

– Аллочка, успокойся, – муж крепче сжал ее руку. – Сейчас что-нибудь придумаем. Позвоним... – Он повернулся к Олесе и подошедшему к ней Семену. – Позвоним этим... спасателям... в сто двенадцать, в общем. Как считаете?

– Можно, только что им сказать? – спросил в ответ Семен. Теперь, спускаясь по ступенькам со своим туго набитым рюкзаком за плечами, он пошатывался и хватался за перила. – В заикленную лестницу они вряд ли поверят.

– Можно сказать, что мы не можем выйти из дома, – предложила Олеся. – Что лестница... обвалилась, например. В общем, что-то реальное, убедительное.

Пожилый мужчина кивнул.

– Да, это годится.

– У меня телефон сдох, – напомнил Семен.

– Я схожу за своим, – отозвался пузатый сосед. – Аллочка, подожди тут, – он не без труда отцепил от себя супругу. – Я сейчас приду, и будем звонить.

Однако позвонить не получилось.

– Что за ерунда... – раздраженно бормотал сосед, вернувшийся с телефоном. – Только вчера зарядил... – Его пальцы давили на кнопки по бокам простенького смартфона, но экран оставался темным. – Аллочка, ну-ка принеси свой!

Властная просьба взбодрила приунывшую Аллочку. Прекратив жевать губами, она удалилась за синюю двойную дверь, отделявшую левый тамбур с двумя квартирами (Олеся называла его «синим», а другой – «зеленым», из-за разного цвета дверей), и вскоре вернулась обратно.

Допотопная Аллочкина «нокиа» слабо засветилась, но, судя по символам на экране, сети не было. При попытке сделать вызов из трубки донесся знакомый Олеся режущий ухо шум помех. От этого звука желудок сжался в холодный и плотный ком. Неужели все телефоны сразу перестали работать?

– У меня то же самое сейчас было, – встревоженно произнесла она, окинув взглядом остальных. – Я хотела позвонить маме, и в трубке вот так же шумело. А потом она вообще выключилась.

Никто ничего не ответил.

Вновь уставившись на бесполезную «нокию» в руке соседа, Олеся с усилием сглотнула. В пересохшем горле шкрябнуло наждаком. Вспомнилась тварь во дворе, полусобака-полулошадь. Внутри крепла уверенность, что все это связано между собой: лестница, сдохшие телефоны, пустота на улице, странное четвероногое существо... Олеся набрала в грудь воздуха, чтобы поделиться своими мыслями, но не успела.

– Вить, может, это война? – с надрывом спросила Аллочка и, прижав к груди сцепленные в замок руки, воззрилась на супруга.

– Да какая война, – дергано отмахнулся он. – Если бы война, нас бы... не было уже. По крайней мере, мы бы уже слышали что-то: взрывы, сирены, эвакуация какая-нибудь... Что-то все равно было бы! Да и лестница...

Исчерпав аргументы, сосед замолчал.

– Надо обойти других соседей, – предложил Семен. – Вдруг у кого-то работает телефон? Все согласились. Других идей не было.

Начали с синего тамбура. В квадратном помещении за деревянной дверью – бетонном коробе с прилепившимся к стене слабым светильником – было тесновато для четверых.

В двадцать пятой квартире жили сами супруги, дверь двадцать четвертой никто не открыл.

– Там, наверное, и нет никого, – вынесла вердикт Аллочка после нескольких звонков и громкого стука. Вовлеченная хоть в какую-то деятельность, она немного воспряла духом. – Эту квартиру снимают все время: то одни, то другие. Сначала знакомились с ними, а потом перестали. Я теперь уже и не помню, сколько там жильцов перебивало!

Двадцать третья квартира, расположенная посреди этажа напротив лифта, принадлежала Олеся. Оставался зеленый тамбур. Еще две квартиры.

– Тут женщина какая-то живет. Одна, кажется, – прокомментировала Аллочка, когда они столпились у двери с двумя золотистыми двойками. – Летом переехала, – добавила она и смолкла. Времена, когда соседи знали все друг о друге, давно канули в Лету.

На звонок и стук опять никто не отреагировал, хотя Олеся послышался за дверью какой-то звук: вроде бы скрипнула половица.

– Есть кто-нибудь дома? – спросил Семен, наклонившись к двери. Ответа не последовало. Двадцать первая квартира была последней. К дверям подошли после первого же звонка.

– Что вам нужно? – раздался из квартиры прохладный женский голос.
– Мы ваши соседи, – слово взял муж Аллочки – У нас тут... э... с лестницей беда приключилась... Никак не выйти из дома. Можно вас попросить...
– Скажите конкретно, что вам нужно? – перебил его недовольный голос.
– Я вам повторяю: проблема с лестницей. Не можем спуститься во двор. – Сосед повысил голос, лицо его потихоньку начинало багроветь. – Можете выйти сюда и сами убедиться. Мы...
– Не собираюсь я куда-то выходить, – огрызнулись из-за двери. – И не звоните сюда больше, или я полицию вызову! Задолбали уже по квартирам ходить!
– Послушайте, это не шуточки! У нас тут...
– Я же сказала, полицию вызову!
Пожилый сосед стиснул зубы. Под вялыми потемневшими щеками заиграли желваки.
– Вот пигалица...
– Вить, не надо, – зашелестела у него за плечом Аллочка, – не нервничай...
Семен протолкался вперед.
– Просто скажите, у вас телефон работает? – громко спросил он. – Позвонить можете?
Сердитый голос не ответил.
– Эй! – еще громче выкрикнул Семен и шарахнул кулаком по матово-черной двери. – Да хоть в полицию, действительно, позвоните!

Опять тишина. Не дождавшись ответа, все четверо вернулись на площадку перед лифтом. Пугающая неизвестность облепила Олеся тугим коконом, не давая вдохнуть полной грудью. Разумеется, вечно она не продлится, все это обязательно... Все это как-нибудь разрешится. Они найдут выход. Ведь не может быть, чтобы несколько человек не смогли сообща ничего придумать!

Но сейчас, пока новых идей не было, от повисшего молчания становилось тошно. И не ей одной.

– Что же теперь делать? – жалобно протянула Аллочка, обращаясь в основном к мужу. Вместо ответа тот уставился себе под ноги, наморщившись и выпятив подбородок.

Не в силах больше выдерживать давящее молчание, Олеся заговорила сама:

– Скажите, а вы... – обратив на себя внимание, она сбилась, не зная, как лучше обратиться к соседям. – Простите, как вас по имени-отчеству?

– Виктор Иванович, – ответил сосед и добавил: – Хлопочкин.

– Алла Егоровна, – напряженно улыбнулась Аллочка.

– Семен, – коротко представился им Семен.

– Олеся, – назвалась Олеся и, наконец, задала волнующий ее вопрос: – Виктор Иванович, Алла Егоровна, скажите, вы сегодня ничего странного на улице не видели?

Хлопочкин покачал головой и открыл было рот, но Алла Егоровна опередила его:

– Очень безлюдно было, – пожаловалась она. – Но это было рано, часов в восемь... Я подумала, все спят.

– А листья на деревьях были?

– Листья... – Аллочка призадумалась. – Действительно, не было их! Как-то резко в этом году...

– Мне кажется, это все как-то связано, – Олеся пыталась подобрать подходящие слова. – В общем, на улице – ни машин, ни людей, и... И те же листья с деревьев не просто опали, а полностью исчезли! Их даже на земле нет, вы заметили?

О том существе во дворе она не упомянула. В конце концов, кого именно она там видела? Все произошло так быстро...

– Может, это все просто сон? – вдруг с нескрываемой надеждой спросила Алла Егоровна, обведя присутствующих слегка отрешенным взглядом.

– Нет, – Семен со вздохом скинул с плеч надоевший рюкзак, – похоже, что не сон.

Рюкзак, завалившись набок, прошуршал по стене, и этот звук шершаво отозвался в груди у Олеси. Как будто сердце задело грудину во внеочередном толчке. Звук был реален, как и все остальное. Как и лестница, не имеющая ни начала, ни конца.

Олеся шагнула к лифту и с силой надавила на металлическую кнопку справа от него. Соседи сказали, что он не работает, но вдруг... Ей ведь нужно уехать к родителям!

Слушая тишину в шахте за створками лифта, она изо всех сил гнала прочь леденящее душу предчувствие, что уехать уже не получится.

4

Толенька прислушивался к голосам, звучащим из-за двойных дверей тамбура, пытаясь хоть немного подсмотреть через щель. По высохшему как сухофрукт телу пробежала легкая дрожь. Он больше не один! Наконец-то!

Когда-то давно его звали Анатолий Сергеевич Строков. Сухо, громоздко. Но это было раньше, в темные времена. Сам он в часы долгих монологов вполголоса называл себя Толенькой. Просто и понятно. Надо ведь как-то обращаться к единственному собеседнику. Те, кого приводила Серая Мать, со временем исчезали, а другие... С ними не поговоришь.

– Ну-ка, Толенька, – едва заметно шевелились сухие губы. – Что тут у нас... Что тут...

Он и сам толком не понял, что его сегодня разбудило.

Первым делом, выбравшись из гнезда, в незапамятные времена бывшего обыкновенной кровати, он выглянул в окно. Снаружи все было как всегда. Ничего необычного.

И все же почти забытое, неведь откуда взявшееся волнение – не страх, не тревога, а что-то наподобие предвкушения – погнало его в прихожую, к входной двери. Последний раз это было так давно! Целую вечность назад!

Бережно проворачиваемый замок все-таки щелкнул под конец. Толенька застыл, прислушался. Нет, ничего. Уцепившись за ручку мосластыми пальцами, он осторожно приоткрыл дверь.

Запахи ворвались в ноздри, оглушили, золотым медом разлились в носу и в глотке, а потом проникли глубже, прямо в легкие, заполнив их целиком, до последней альвеолы. Густая горечь сигаретного дыма, легкая гнильца мусоропровода, манящий дух чего-то жареного, и поверху – едва ощутимый налет свежего, уличного, с пряностью облетевших листьев и автомобильных выхлопов.

Настоящие, самые настоящие запахи... И такие сильные... Как долго он жил без них? Как долго он вообще жил? Толенька уже давно потерял счет времени. И, кажется, успел состариться. Иначе как объяснить то, каким он стал?

Подрагивая от растущего возбуждения всем своим худосочным телом, он выскользнул из квартиры и прокрался к дверям тамбура. Босые ноги в грязной чешуе ороговевшей кожи ступали бесшумно.

К запахам присоединились голоса, тоже настоящие, говорившие обыкновенными человеческими словами. Толенька прильнул к закрытым дверям, медленно – мучительно медленно, чтобы, не дай бог, не спугнуть внезапное чудо, – подтолкнул одну створку.

В образовавшуюся щель он сумел рассмотреть людей, толпившихся на лестничной площадке. Их было четверо: молодой парень с большим рюкзаком, кокетливо одетая пенсионерка, пожилой мужик с пивным животом и рыжая девушка. В этот раз Серая Мать привела больше народу!

Он смотрел во все глаза и, кажется, узнавал. Вспоминать было нельзя, вспоминать было страшно, но кое-что он все-таки помнил.

– Надо обойти других соседей, – предложил тип с рюкзаком. – Вдруг у кого-то работает телефон?

Все четверо потянулись к дверям тамбура, за которыми притаился Толенька. Все так же тихо он скользнул обратно, укрывшись за дверью двадцать четвертой квартиры. Замок на этот раз не подвел, закрылся без звука.

Толенька, кажется, знал их. Пенсионерку и того пузатого мужика.

Они пришли из темных времен.

И это было *неправильно*.

Когда в прихожей вдруг хрипло затарахтел звонок, Толенька не открыл. Охваченный необъяснимым страхом из-за этого внезапного, почти забытого звука, он замер на месте, не дыша и не двигаясь, чтобы ничем не выдать свое присутствие. На громкий стук он тоже не отозвался. Когда будет нужно, Серая Мать его позовет. А пока что не нужно. Пока что... пусть они сами.

– Вот так, Толенька, – вполголоса пробормотал он, когда стучавшие в дверь удалились, – вот так... Ты снова не один...

Внутри

1

Алла Егоровна стояла у обрамленного пышными гардинами окна спальни, сжимая в руках оба неработающих мобильника – свой и мужа. Трехкомнатная квартира, давно опустевшая без повзрослевших детей, теперь казалась ей тесной. Стены, увитые цветочным узором обоев, давили.

В другой комнате Виктор Иванович возился с их старым телевизором (внуки называли его «толстым») под шуршащий звук помех. Ни один канал не ловил. До этого он колдовал над стареньким ноутбуком сына, но тот почему-то даже не включился. Молодая соседка с парнем ушли обратно в двадцать третью квартиру, тоже проверять Интернет. После проверки решили снова встретиться в подъезде.

Может, что-нибудь... Как-нибудь...

Впрочем, что именно и как, Алла Егоровна понятия не имела. Происходящее на лестнице не укладывалось в голове. Привычная действительность в одночасье опрокинулась с ног на голову, и ничто в ней – ни добротная мебель, ни облагороженные фоторедактором семейные фото на стенах – больше не казалось незыблемым. И это было хуже всего.

Алла Егоровна не выносила неопределенности. Ей, привыкшей ходить в одни и те же магазины, «правильно» расставлять тарелки в шкафу и обувь в прихожей, доверять только избранным передачам по телевизору и для каждого вида уборки использовать строго определенные тряпки, была неприятна любая смута, любое непредвиденное вмешательство, нарушающее заведенный порядок вещей. И сейчас ей хотелось лишь одного: чтобы это безумие поскорее закончилось и все снова стало прежним.

Прислонившись к подоконнику, она смяла растопыренные листики любимых фиалок, но, погруженная в свои мысли, не заметила этого. Как и того, что половина цветов чахло поникли. Взгляд Аллы Егоровны блуждал по непривычно пустому двору.

А ведь соседка права! Ни людей, ни машин, а под черными деревьями – ни единого листочка.

Отсутствие прохожих еще можно как-то объяснить: утро выходного дня, люди только просыпаются или, наоборот, отправились куда-нибудь на выходные. Но чтобы во всем дворе не стояло ни одной машины? Исчезла даже полусгнившая «девятка», который год торчавшая у соседнего дома!

И сам двор...

Не первый месяц шли препирательства совета дома (на собраниях которого они с мужем регулярно присутствовали) с городской администрацией по поводу облагораживания территории, но до сегодняшнего дня Алла Егоровна не замечала, что их двор настолько плох.

Лежащий отдельными кусками асфальт с широкими песчаными воронками. Замшелые, проржавевшие по бокам гаражи. Вместо большого газона – огороженная рассыпающимся поребриком пустошь. Редкие клочья высохшей травы, проплешина с грязью на месте самодельной песочницы, перекрученный скелет старой детской горки...

Стоп!

Алла Егоровна прищурилась, вытянула шею, почти коснувшись лбом стекла. На зрение она, слава богу, никогда не жаловалась. Не подводило оно и сейчас: горка, еще вчера пригодная к использованию, теперь стояла изломанная, запятнанная ржавчиной. Но как могла она за одну ночь превратиться в эту противную загогулину?

От напряженных раздумий Аллу Егоровну отвлекло движение во дворе.

На углу дальнего гаража застыла одинокая фигура. Широкий плащ, безвкусный желтый берет... Она сразу узнала сумасшедшую соседку по подъезду.

В памяти вспыхнула недавняя безобразная сцена возле почтовых ящиков. Эта самая старуха в берете, вытаскивая торчащие из ящиков газеты, рвала их на мелкие кусочки и раскидывала вокруг. Алла Егоровна сделала ей замечание, а потом...

– А ты меня не учи, стерва! – неровные обрывки бумаги продолжали сыпаться меж старческих пальцев с нестриженными ногтями. – Нашлась тут, в каждой бочке затычка! Ты за собой-то следи, кошелка! Вырядилась, тоже мне, – мерзкая бабка хихикнула. – Тебе самой сколько лет-то?

Алла Егоровна задохнулась от возмущения.

– Да вы... Как вы смеете...

– А вот так! – перебила старуха, продолжая раздирать чью-то газету. – Ну чего стоишь, губами шлепаешь? Нарядилась, как на свадьбу, а у самой песок из жопы сыпется! Все, бабонька, отгуляла свое! – старуха опять захихикала. – Чего застыла-то, говорю? Каш-шолка!..

Алла Егоровна содрогнулась под наплывом воспоминаний. Пальцы до боли стиснули зажатые в них телефоны. Стыд и срам! Еще и ругаться пыталась с этой ненормальной!

Ну точно, кошелка старая.

За спиной что-то произнес муж.

– А? – скинулась она, возвращаясь к реальности.

– Телевизор не ловит, – повторил Виктор Иванович. – И на кухне тоже. Пойдем, узнаем, что у соседей.

Муж, всему и всегда находивший рациональные объяснения, сейчас выглядел непривычно растерянным. Если отсутствие связи и телевидения само по себе могло иметь хоть какую-то причину, то ситуация с лестницей окончательно поставила Виктора Ивановича в тупик. Но если он не может разобраться в происходящем, то кто тогда сможет?

Напоследок Алла Егоровна еще раз быстро глянула в окно, но старухи там уже не оказалось. Взгляд заметался по двору, упираясь в хмурые глыбы соседних домов. Выше было только тяжелое железное небо. На мгновение почудилось, будто провалы окон и лоджий (сплошь незастекленных, хотя еще вчера все было иначе!) наполнены вязкой чернотой.

Алла Егоровна отвернулась от окна, чувствуя неприятный холодок в теле, и вышла из комнаты вслед за супругом. Мало ли что могло показаться от нервов!

Трусливая старая кошелка.

В этот раз непривычная самоуничтожительная мысль пронеслась в голове еще отчетливей. И все же заставить себя обернуться и снова посмотреть в окно Алла Егоровна не смогла.

2

Вот и все.

Семя брошено и будет прорасти.

Со временем оно прорастет в каждом. Привяжет их всех к ней.

Спешить пока некуда. Можно насладиться своим творением. Поиграть с жертвами, расшатавать как следует, распробовать на вкус...

Большие ступни с цепкими пальцами шагали широко, бесшумно пластаясь по неровной вымершей почве. Серая Мать едва помнила те времена, когда эта земля была иной. Да, была когда-то. Но так давно, что воспоминания об этом совсем истончились, стали почти что пылью, как и все остальное здесь.

Теперь это ее земля. Ее мир. Ее дом. И, так же как ее саму однажды привели сюда, она должна выпустить в новый мир свое Дитя. Дать ему собственный дом. На этот раз у нее получится.

И Серая Мать продолжила свой путь к месту, откуда можно было наблюдать за всем сразу.

3

Олеся и Семен снова вышли в подъезд. В полной тишине их шаги казались непростительно громкими. Одна из фрагм на лестничной площадке была приоткрыта, но через щель снаружи не долетало ни звука. Такая же давящая тишина висела в квартире Олеси, где они только что побывали.

– Я не понимаю, как такое в принципе может быть, – Олеся старалась говорить тише, чем обычно. Ей не нравилось гулкое, усиленное царящим вокруг безмолвием звучание собственного голоса.

– Я тоже, – автоматически отозвался Семен, снова уставившись на лестницу.

Его пальцы, живущие собственной жизнью, вращали металлическую зажигалку. Через одинаковые промежутки времени они останавливались, и тогда раздавался резкий щелчок крышечки.

Олесю начинала раздражать эта нервная игра с зажигалкой. Семен достал ее из кармана сразу после того, как стало ясно, что ноутбук не работает и в Интернет не выйти, и с тех пор не выпускал из рук. Каждый издевательский механический щелчок лишь подчеркивал ненормальное отсутствие обыкновенных живых звуков: шума машин, гудения лифта, голосов и шагов людей. Хотелось попросить Семена прекратить щелкать, но Олеся молчала. В конце концов, он был здесь единственным человеком, которого она хоть немного знала. Другие – Хлопчкины, сердитый голос из двадцать первой и тот, кто скрипел половицами за дверью двадцать второй, – оставались неизвестными чужаками.

– Здесь так тихо, как будто все остальное просто исчезло и есть только мы, – поделилась своими мыслями Олеся, чтобы отвлечь Семена от дурацкой зажигалки. И заодно отвлечься самой от неприятного, слишком похожего на страх ощущения, медленно ползущего вдоль позвоночника.

Из-за появления Хлопчкиных Семен не успел ничего ответить.

– Ну как? – Виктор Иванович с надеждой смотрел на молодежь.

– Мой ноутбук не включается, – ответила Олеся. – А у вас?

– Ничего, – вздохнул Хлопчкин. – Компьютер тоже заглох, а по телевизору одни помехи.

Вот вам и спутниковая тарелка! Цивилизация, мать вашу...

Звуки из зеленого тамбура заставили всех отвлечься. Сначала раздались громкие щелчки замка, потом голоса, детский и женский. Последний – недовольный и капризно тянущий гласные – Олеся сразу узнала: это его они слышали из двадцать первой квартиры.

– А мы на площадку пойдем? – звенел детский голосок. – Мам, пойдем на площадку?

– Только недолго, – раздраженно отвечал женский голос. – Нам еще к бабушке надо.

– Не хочу к бабушке!

Послышалась возня, какой-то стук. Женский голос вдруг прикрикнул:

– Да оставь ты эту машину! Грязь только таскать!

– Нет! – тоненько заверещал ребенок. – Не пойду без машины!

– Тогда выходи резче, не топчись тут!

Одна из створок двойной двери распахнулась, и на площадку перед лифтом выкатилась красная пожарная машина, которую толкал насупившийся мальчик лет пяти. Олеся посторожилась, чтобы пропустить его.

Притормозив у лифта, мальчик бегло окинул взглядом столпившихся взрослых и принялся распутывать шнурок, привязанный к машине спереди. Следом из-за двери показалась его мать, высокая сухощавая брюнетка в приталенном пальто, ярко-красном, как игрушка сына. Тот же быстрый, пустой взгляд скользнул по присутствующим. Наманикюренный палец нажал кнопку возле лифта.

Повисшую тишину нарушало только сопение мальчика, возившегося со шнурком.

– Лифт не работает, – Виктор Иванович предпринял новую попытку наладить контакт с соседкой.

Не удостоив его взглядом, девушка в красном недовольно искривила губы и скомандовала сыну:

– Даня, пойдем по лестнице.

– Девушка, там лестница... Ну, вы сами увидите.

– И что с лестницей? – брюнетка будто впервые заметила их.

– Мам, ну пошли, – капризный Даня тянул ее за рукав в сторону лестницы. – Пошлиии...

– По ней никак не спуститься, – сказал Семен и наконец убрал зажигалку. – Возвращаешься сюда же, на этот этаж.

– Так, понятно, – отстраненно припечатала брюнетка, обращаясь непонятно к кому, – съезд местных сумасшедших. Дань, пойдем.

Она отвернулась и протянула руку сыну. Игнорируя ее, тот подхватил свою машинку и поскакал вниз по лестнице самостоятельно. Девушка в красном последовала за ним.

Затаив дыхание, Олеся перевела взгляд на верхнюю площадку. Остальные смотрели туда же.

Первым умножился, а затем сместился вверх топоток мальчика, следом – цокот каблучков. Вприпрыжку миновав верхнюю площадку, Даня резко остановился на середине лестницы. Рот мальчика образовал ровную букву «о», глаза широко распахнулись от удивления. Вихляющая на каблучках мать едва не запнулась об него.

– Даня! Ну что ты застыл? Иди уже!

Привычное недовольство не желало сходить с лица брюнетки даже тогда, когда она вновь увидела соседей. Схватив сына за руку, она быстро преодолела оставшиеся ступеньки, проскочила мимо стоявших у лифта людей и торопливо зацокала вниз по лестнице.

А потом снова выскочила сверху.

– Вы что, совсем обалдели? – вдруг взвизгнула она после короткого замешательства. – Ребенка напугать хотите? – Пальцы с хищным маникюром стиснули руку мальчика, потянули вверх.

– Мам, больно, – захныкал Даня и принялся вырваться. Женщина в красном не обратила внимания.

– Девушка, дело не в нас, – примирительно начал Владимир Иванович, – дело в лестнице...

– Хватит мне голову морочить! – громко перебила Данина мама. – Ушли отсюда! Все! Быстро! У меня муж в полиции работает!

– Да не можем мы никуда уйти! – не сдержавшись, рявкнул Семен. Олеся заметила, как на его шею над воротом куртки вздулись вены, а рука вновь потянулась к карману с зажигалкой.

– Дайте пройти! – прижимая к себе отбивающегося сына, брюнетка опять миновала их и поспешила вниз. Вернулась она, как и следовало ожидать, сверху.

– Да вы совсем... – визгливый выкрик захлебнулся, свободная рука метнулась к сумочке. – Я звоню мужу! Он вас всех посадит!

Тонкие пальцы выудили из сумочки дорогой смартфон, едва помещающийся в ладони. Ничего не понимающий Даня расплакался.

Олеся отвела взгляд. Наблюдать чужую истерику было неприятно, но вместе с тем в душе затеплилась надежда: а вдруг эта скандалистка сможет дозвониться? Хоть мужу, хоть в полицию – неважно, лишь бы куда-нибудь!

Надежда оказалась тщетной, и брюнетка в красном, засунув обратно в сумочку бесполезный гаджет, вновь ломанулась вперед. Просто стоять и наблюдать за ней Олеся больше не могла. Неужели она не понимает, что дело в лестнице? Не чувствует головокружения?

– Пожалуйста, успокойтесь, – Олеся сделала шаг к Даниной матери, примирительно протянула руки. – Мы тоже не можем отсюда выйти, понимаете? Мы...

Брюнетка остановилась. Едва слушая Олеся, она под аккомпанемент нарастающего детского плача обвела присутствующих затравленным взглядом. Завеса истерического гнева истончилась, и за ней плескался страх.

– Я вас всех запомнила, – голос почти шипел, лишившись визгливых ноток. – У вас будут большие проблемы!

С этими словами она ринулась обратно в свой тамбур, волоча за собой побагровевшего от рыданий сына.

– Подождите! Ну куда вы! – окликнула соседку Олеся, но стоящий рядом Семен только махнул рукой:

– Да фиг с ней, пусть идет.

– Жалко дуру, – покачал головой Виктор Иванович. – Еще и с ребенком...

4

Олеся водила кончиком указательного пальца по золотистому ободку чашки, как до этого – по окружности своих часов. Бледный чай не имел ни вкуса, ни запаха. Печенье и конфеты в массивных стеклянных вазочках тоже казались безвкусными. После того, что произошло с лестницей, было странно сидеть на чужой кухне в окружении едва знакомых людей и поддерживать светскую беседу.

На чаепитие их пригласила Алла Егоровна. Разумеется, это было лучше, чем торчать на лестничной площадке, но Олеся ожидала, что они продолжат обсуждать ситуацию, что у кого-нибудь – скорее всего, у Семена или Виктора Ивановича – появятся какие-то новые идеи, однако на деле все вышло иначе.

– Мистика какая-то, – в очередной раз пробормотал Хлопочкин, грузно усаживаясь за стол. Алла Егоровна, в домашней обстановке ощущавшая себя более уверенно, тут же перехватила инициативу:

– Давайте отвлечемся ненадолго, посидим спокойно! Все пьют черный чай? Вот есть новый, дочка из Финляндии привезла, ароматный – просто прелесть! И печенье свежее, вчера купила...

Олеся считала, что отвлекаться от решения проблемы как раз таки не стоит, но вклиниться в поток нервного щебетания Аллы Егоровны никак не удавалось, а просто перебить хозяйку дома было бы грубо. И она ждала подходящего момента, изредка отвечая на несущественные вопросы и для вида откусывая понемногу картонное печенье. Другие делали то же самое, но, судя по бесцветным взглядам и отрешенным лицам, не испытывали особого желания менять тему. Виктор Иванович регулярно поддакивал, а Семен, кажется, и вовсе не слушал. Его левая рука была опущена под стол, и оттуда доносились ритмичные щелчки зажигалки.

Щелк.

Щелк.

Чертова зажигалка... Взять бы ее и...

...забить ему в глотку!

На Олеся будто выплеснули ведро ледяной воды.

Как такое вообще могло прийти в голову? Ей хотелось, чтобы Семен перестал шелкать и убрал зажигалку, максимум – хотелось бы выкинуть проклятушую железяку, но никак не «забавать в глотку». Дикость какая-то!

С бьющимся быстрее обычного сердцем Олеся подняла взгляд на остальных. На секунду ей показалось, что они тоже услышали эту ужасную мысль, так ясно прозвучавшую в ее голове. Шевельнув рукой, она задела лежавшую в блюде чайную ложку. Металл звонко брякнул о фарфор, но никто словно и не услышал.

Виктор Иванович, выпятив нижнюю челюсть и насупившись, смотрел в свою чашку. Семен глядел в никуда, и кулак с зажатой в нем зажигалкой теперь лежал на столе. Даже Алла Егоровна сидела молча, с отсутствующим выражением на лице. Когда же она успела замолчать?

Олеся с возрастающей тревогой осознала, что не помнит. О чем вообще был разговор? Дача, внуки... Нет, не то... Кажется, Алла Егоровна спросила ее про учебу. Да. А потом, едва дослушав ответ, снова завладела диалогом:

– У меня вот тоже есть знакомые медики, одна приятельница терапевтом работает, а другая...

А что – другая? С этого момента воспоминания обрывались. Более того, Олеся была уверена, что фраза Аллы Егоровны тоже оборвалась на середине.

Но что же с ними произошло? И как долго это продолжается?

Колючая волна прокатилась по предплечьям. Потирая оцетинившуюся мурашками кожу, Олеся по привычке глянула на часы. Половина первого. Точно, они же остановились.

Теперь, когда болтовня пожилой соседки прекратилась, шорох одежды при движении и собственное дыхание были единственными звуками, которые она слышала. В висящем на стене пластиковом горшке медленно умирала традесканция, понуро свесив подсыхающие плети. Лишенный движения пейзаж за окном по-прежнему оставался серым и каким-то искусственным, как декорации в старых фильмах.

– Эй? Вы слышите меня? – На негромкий Олесин зов никто не отреагировал.

Девушка вгляделась в застывшие лица. Почему они не приходят в себя? Что с ними случилось? Олеся потянулась к руке сидящего рядом Семена, но остановилась в нерешительности. Она где-то читала, что нельзя резко будить лунатиков. А как насчет тех, кто сам собой погрузился в транс?

И все-таки продолжать и дальше ждать неизвестно чего в этой мертвой тишине было невозможно. Закусив нижнюю губу, Олеся тронула руку Семена. Никакой реакции. Тогда она легонько потрясла его за плечо.

Вздрагнув, Семен повернулся к ней. Затуманенный взгляд постепенно сделался осмысленным и, как показалось Олесе, немного затравленным.

– Извини, задумался, – пробормотал Семен, поспешно засовывая в карман зажигалку. – Что ты говорила?

Его пальцы плохо слушались, и зажигалка упала на пол. С грохотом отодвинув стул, Семен полез за ней и нечаянно задел Виктора Ивановича. Хлопочкин встрепенулся, сонно озираясь вокруг. Наполовину развернутая конфета выпала из его руки.

Когда Семен, резко выпрямившись, приложился головой о столешницу, тонкостенные чашки и блюда на ней со звоном подскочили, наконец выведя из ступора Аллу Егоровну.

– Ой, о чем же я?.. – она сфокусировалась на Олесе и осеклась, когда уловила что-то в ее взгляде.

– Вы все только что сидели как будто в трансе, – произнесла Олеся, воспользовавшись паузой. Голос слегка подрагивал, как будто она отвечала у доски в заполненной людьми аудитории. – И я, наверное, тоже. Я пришла в себя первой и увидела, что вы просто сидите молча, как... как манекены какие-то. Вы что-нибудь помните?

Хлопочкины непонимающе переглянулись.

– Я очень сильно задумался, – сказал Семен и уселся обратно на стул. – Просто выпал из реальности. У меня иногда такое бывает.

– Я тоже, – подхватила Алла Егоровна. – Как будто в дальних краях побывала, – она выдавила совершенно неуместный, по мнению Олеси, смешок. – Вить, а ты?

– Да я... – Виктор Иванович наморщил лоб. Было видно, что он напряженно выискивает что-то внутри себя и, судя по не сходящей с лица растерянности, никак не может найти. – Я вроде бы тоже...

– Вот видите, Олеся, ничего страшного, – с прежней интонацией защebetала Алла Егоровна. – А то вы, я смотрю, разволновались что-то...

Разволновалась? Не заботясь больше о выражении своего лица, Олеся усталилась на пожилую женщину, с благодушной улыбкой подкладываящую в вазочку конфеты из новой упаковки. Похоже, происходящее ее уже не беспокоило.

– ...разморило после чая, вот и все, – продолжала тем временем Алла Егоровна. – Может быть, в гостиную...

– Мы. Все. Только что. Сидели. В трансе! – громко отчеканила Олеся, наконец перебив соседку. То, что она хотела донести до всех, было слишком важно. – И я уверена, что никто из нас либо не помнит, о чем думал, либо... – *(забить ему в глотку!)* – Либо это были какие-то... странные мысли. Вот вы помните, о чем думали? – Девушка взглянула на Виктора Ивановича, и тот отрицательно покачал головой. – А ты? – Она повернулась к Семену.

– Ну так... – Тот неопределенно пошевелил рукой над столом. – В общих чертах.

– А вы? – теперь Олеся смотрела на Аллу Егоровну. – О чем вы думали?

– Сейчас уже и не помню, – неохотно отозвалась та. – Вы так настойчиво спрашиваете...

– Я спрашиваю, потому что с нами явно что-то было не так! И, если честно... – Олеся помедлила. – Это было жутко. Что тут вообще происходит?

Она в очередной раз обвела взглядом присутствующих, но вряд ли кто-то из них знал ответ. Кроме того, Олеся не могла отделаться от ощущения, что Хлопочкины неуловимо изменились. Семен выглядел слегка подавленным уже с момента их знакомства, а они... Олесе казалось, что до чаепития они были другими. Более живыми, что ли. А сейчас в лицах обоих супругов сквозила какая-то искусственность. Будто у каждого под маской пряталось что-то иное.

Или это уже паранойя?

– Утром я видела на улице... какое-то существо, – продолжила Олеся, когда стало ясно, что никто больше не стремится нарушить молчание, – похожее на собаку, только ростом с лошадь. И с лошадиными ногами. И... со странной мордой.

– Может, это и была лошадь? – В голосе Виктора Ивановича сквозил скепсис, но он по крайней мере оживился, и у Олеси пропало ощущение, будто она говорит с манекенами.

– Это была *не* лошадь и *не* собака, – твердо возразила девушка. – У меня зрение – единица. Я хорошо рассмотрела это животное... и оно было *странное*. Я даже не знаю, кто это. Оно ковырялось под деревьями, а потом резко убежало, как будто его кто-то спугнул.

– Может, это пони? – вдруг спросила Алла Егоровна. Ее растерянный взгляд слепо ощупывал стол и сидящих за ним людей, тоненькая старческая рука со свежим маникюром зачем-то скребла щеку. – Тут недалеко, в парке, катают на пони... Может, один сюда и забрел...

Вот ведь старая слабоумная...

Чувствуя, как сжимаются зубы, Олеся одернула себя, не додумав непривычно злую мысль. Алла Егоровна была испуганной, растерянной, но никак не слабоумной. По крайней мере, до чаепития. Что-то поменялось в ней только теперь, и оставалось лишь надеяться, что это временно. В любом случае, злиться на нее из-за этого было неправильно.

– Алла Егоровна, – произнесла Олеся чуть медленней и отчетливей, чем обычно, – вы ведь тоже заметили, что на улице что-то не так, помните?

– Да, – хозяйка квартиры кивнула, и взгляд, обращенный теперь к Олесе, слегка прояснился.

– Вы видели там что-то еще? Что-то необычное?

– Двор стал какой-то... – она замешкалась, мучительно подыскивая подходящие слова.

Молчавший Семен снова с громким скрежетом отодвинул стул и подошел к кухонному окну. Вслед за ним, кряхтя, из-за стола вылез и Виктор Иванович.

– Никого, – сухо прокомментировал Семен и повернулся к Олесе. – Ты сегодня людей на улице видела?

– Нет.

– А машины?

– Нет. В том-то и дело.

– Надо с лоджии посмотреть, там обзор лучше, – сказал Виктор Иванович, отлепившись от окна. Кажется, он до сих пор не мог поверить в полное исчезновение других людей, и Олеся его понимала. Глядя утром в окно, она испытывала то же самое.

Все последовали за Хлопочкиным сначала в гостиную, а потом на лоджию, где растянулись цепочкой вдоль окон.

Прижав ладони к узкому подоконнику из белого пластика, Олеся рассматривала изменившийся двор. На ум приходило только одно слово: руины. Припорошенные сухим серым песком обломки асфальта, неровный пунктир развалившихся поребриков, покосившиеся остовы детской горки и гаражей – все выглядело буквально истлевающим от старости, словно прошла не одна ночь, а целое столетие. Не состарились только окружающие дома. Построенные из зернистых серых плит, они все так же возвышались вокруг, и вертикальные ряды лоджий (больше не светлые, не остекленные, не облицованные изнутри плиткой или панелями) зияли чернотой пустых окон. Слишком незнакомо. Слишком *неправильно*.

– Какой-то другой мир... – пробормотала Олеся себе под нос. Похоже, ее никто не услышал, но повторять погромче она не стала. Эта мысль казалась ей чересчур безумной, чересчур... Чересчур страшной. Так не могло быть.

– Не может такого быть... – Виктор Иванович никак не мог оторвать взгляд от непривычно угрюмого двора, лежащего в полном запустении под пасмурным небом. – Куда-то ведь все подевались! – Он стиснул кулак и стукнул по подоконнику. Его жена, неотрывно глядящая куда-то перед собой (на темные лоджии, еще вчера застекленные, а сегодня – нет), вздрогнула. – Не могли же мы все проспать!

– Я видела женщину из нашего дома, – медленно произнесла Алла Егоровна, указывая во двор. – Вон там, у гаражей.

– Какую женщину? – спросил Хлопочкин, повернувшись к жене.

Алла Егоровна неприязненно поджала губы, снова сделавшись похожей на прежнюю себя.

– Ту бабу.

– Психическую? – уточнил муж. – Которая на тебя наорала?

– Да.

– Значит, выход наружу есть! – горячо заявил Семен и выскочил с лоджии, по пути чувствительно задев Олесю локтем.

Да чтоб ты...

– Но она ведь не с нашего этажа... – запоздало добавила Алла Егоровна. Семен уже не слышал.

Холодящая сердце пасмурная апатия будто приковала всех троих к месту. Прошло больше минуты, прежде чем они смогли оторвать взгляды от пустого (*неправильного*) двора и медленно побрели за Семеном.

Когда Олеся и Хлопчкины вышли в подъезд, он сидел на ступеньках, привалившись к перилам и тяжело дыша. Несколько темных прядей прилипли ко взмокшему лбу. Похоже, по лестнице он не шел, а бежал. Но раз он до сих пор здесь...

Олеся подумала о мухе, бестолково бьющейся в стекло. Вот он – мир, но невидимая преграда не пускает наружу. А если и пропустит, то в какой именно мир они попадут? Нормальный – или тот, который видно из окон?

– Все то же самое! – зло бросил Семен, увидев остальных. – Вашу мать! – Вскочив на ноги, он саданул кулаком по перилам, и те содрогнулись с глухим металлическим стоном. – И лифт этот долбаный тоже не работает! – Парень метнулся к лифту и несколько раз безрезультатно ударил по кнопке на стене, а потом с грохотом пнул сомкнутые створки.

Олеся отступила подальше и наткнулась спиной на противоположную стену. Наблюдая за Семеном, она чувствовала, как внутри что-то неприятно сжимается, давит сзади на глазные яблоки невидимой пока чернотой. Как во время ссоры с Васей.

Ни на кого не глядя, Семен подошел к двери Олесиной квартиры и дернул ручку. Дверь не поддавалась – Олеся заперла ее перед тем, как они отправились к соседям.

– Олесь, дай ключи, – попросил он уже нормальным голосом, – у меня сигареты в рюкзаке остались. Я что-то... вышел из себя, – Семен торопливо пригладил волосы на затылке, метнув быстрый взгляд в сторону остальных. – Извините.

Олеся вытащила из кармана связку и протянула ему.

– Спасибо.

По-прежнему не поднимая взгляда, Семен взял ключи, открыл дверь и скрылся в квартире.

Неловкую паузу нарушил Виктор Иванович.

– Так, – пожилой сосед нарочито громко хлопнул в ладоши, – что мы имеем? Выйти пока нельзя, связи нет. – Он заложил руки за спину, прошелся по площадке и повторил: – Так. Людей тоже нет, кроме той бабки, – в этот момент Алла Егоровна, вновь провожающая его полным надежды взглядом, мелко закивала, – и та ушла куда-то, ищи ветра в поле. Так, – еще раз «такнув», Хлопчкин остановился. – Аллочка, у нас вода есть?

– Утром была.

– Иди проверь, если есть – набирай во все тазы!

Алла Егоровна, шурша тапочками, скрылась в тамбуре.

– И вы тоже наберите воды, – сказал Виктор Иванович Олеся. – Мало ли что, в самом деле. Сколько нам тут...

Не закончив фразу, он отвернулся и зашаркал следом за супругой. Поникие плечи под обрамленной сединой лысиной смотрелись по-стариковски, но сухое, как удар по дереву, «таканье» все же внушило Олеся немного уверенности. По крайней мере, теперь было ясно, чем стоит заняться в ближайшее время.

Подумав о времени, Олеся автоматически подняла к глазам руку с часами и тут же вспомнила, что они остановились. На половине первого, точно. Присмотревшись еще раз к циферблату, она заметила, что минутная стрелка показывает тридцать две минуты. Видимо, раньше она не придавала этому значения, округлив время до половины.

Первым, что Олеся увидела, вернувшись к себе в квартиру, были ботинки Семена на коврике в прихожей. Ему придется оставаться у нее, пока все это не закончится. Не выгонять же его в подъезд.

Наклонившись, чтобы стащить с ног кроссовки, Олеся ощутила подступившую к горлу тошноту. Горький ком, состоящий целиком из липкой тревоги, закупорил пищевод и сдавил сердце. Что же, в конце концов, случилось? Как все могло стать *таким* всего за одну ночь?

Другой мир. Она сама так сказала.

5

В квартиру Хлопочкин вошел с тяжелым сердцем – буквально: за грудиной неприятно тянуло, как будто кто-то подвесил к нему груз на веревке. И теперь эта веревка врезалась в сердечную мякоть, болезненно давила, тянула вниз. Вдобавок гудела голова. Шум воды в ванной только усилил это неприятное ощущение. И все-таки он пошел на звук – посмотреть, как там справляется Аллочка.

В ванной жены не оказалось. Струя из крана, почему-то сероватая («слишком много хлорки», – решил Хлопочкин), била в наполненный пластиковый таз, и драгоценная вода (драгоценная и в обычной жизни – потому что счетчик!) переливалась через край и утекала в слив.
– Алла!

Шум в голове усилился, но Хлопочкин уже не обращал на него внимания. Ответа не последовало, и он, сильнее, чем нужно, закрутив кран, отправился вглубь квартиры. В ванне остался стоять полный таз с медленно оседающей на дно серой взвесью.

Аллочка обнаружилась в гостиной. Сжимая в левой руке край еще одного тазика, принесенного с лоджии, она склонилась над подоконником с фиалками и пальцами правой перебирала свесившиеся безжизненными лоскутами листочки.

– Алла! – От нового выкрика в висках запульсировало. Наверняка давление опять поднималось, но Хлопочкин был слишком зол, чтобы беспокоиться об этом.

– Ви-ить, – жена медленно обернулась к нему, будто и не слышала гневного окрика, – фиалки погибли... Все... Ты только посмотри...

– Да и черт с ними! Другие потом посадишь! – Почти сразу устыдившись внезапно вырвавшейся грубости, Виктор Иванович порывисто протянул руку к тазу. – Давай сюда, нужно еще воды набрать, – он постарался говорить мягче, но получилось плохо.

Алла Егоровна отстранилась вместе с тазиком и, не сказав больше ни слова, вышла из гостиной. Вскоре в ванной снова зашумела вода.

Обиделась. Из-за него. Вот старый дурак! Знал ведь, что она над этими цветами трясется, и все равно... само как-то вырвалось.

Помириться, не впервой.

И правда, не впервой. Немного успокоившись, Хлопочкин потер налившийся свинцом затылок. Точно, давление. Давления он боялся и всегда держал и дома, и на даче, и в машине запас таблеток «скорой помощи». Похоже, самое время принять одну.

Таблетки хранились в спальне, в специально отведенном ящике комода. Медленно волоча отяжелевшие ступни по полу, Виктор Иванович вдруг ощутил слабый укол в области сердца – там, где прежде была натянута веревка с тяжелым грузом.

Один-единственный укол, длившийся всего секунду, но... Он был.

Из-за этой заразы все... Цветы дороже мужа...

Нет, конечно же, он не должен был называть Аллочку заразой, даже мысленно! Никогда раньше он себе такого не позволял. Но сейчас она действительно перегнула палку с этими цветами. Обиделась, видите ли! А он? Ведь знает, что он будет переживать, что у него давление и, не дай бог, сердце! Это не шуточки! Сама же для него таблетки пачками скупает...

И что? В ногах теперь у нее ползать? Даже в мыслях пылинки сдувать? Ну да, была по молодости фарфоровой куколкой, но теперь-то уже старая баба. Должна понимать, как себя с мужем вести.

И все-таки надо будет извиниться. Принять таблетку и извиниться. В самом деле.

Вот так сразу? И еще выслушивать, какой ты сухарь? Поберегся бы... Сердце-то не железное... Ну ее к черту, заразу эту!

Снова грубо. Но сам по себе ход мыслей правильный. Пожалуй, стоит сначала прилечь, отойти немного, а уж потом...

И то верно.

Успокоенный внутренним голосом, Виктор Иванович подошел к комоду и выдвинул «лекарственный» ящик. Внутренний голос (несомненно, голос разума), грубоватый, но зато здоровый и непредвзятый, уже звучал сегодня у него в голове. Во время чаепития. О чем-то таком Виктор Иванович думал... О чем-то действительно важном... И голос тоже принимал участие в размышлениях, советовал, направлял, но вот беда – все начисто выветрилось из памяти! Склероз начался, что ли?

– М-да, возраст уже не тот... – тихо пробормотал Хлопочкин, перебирая прямоугольные упаковки лекарств.

На мгновение окно спальни за его спиной перекрыла быстро промелькнувшая тень, но Виктор Иванович, поглощенный поиском нужных таблеток, ее не заметил.

6

На лоджии, расположенной с другой стороны дома, курил Семен. Услышав, как хлопнула входная дверь, он последний раз затянулся и выбросил окурочок на улицу. Раздвижная балконная рама с шорохом прокатилась по рельсе. Клацнула защелка. В чертовой тишине все звуки были раздражающе громкими. Семен так и не определился, что его больше нервирует: эти резкие звуки, ставшие какими-то зернистыми, чуть ли не осязаемыми, или абсолютная тишина в их отсутствие.

Пожалуй, плохо было и так и сяк. А хуже всего – то, что он вообще попал в эту передрагу. И все из-за собственной глупости! На хрена надо было ночевать у незнакомой девчонки?

Думал, трахнешь ее?

Семен по-собачьи отфыркнулся и судорожно замотал головой, гоня прочь внезапную мысль. Что за бред лезет в голову? Ни о чем таком он вчера точно не думал! Он просто был вымотан, мысленно уже располагался в гостях у Васька, а тут вдруг... Надо было взять себя в руки и поехать на вокзал!

Из глубины квартиры доносился шум воды. Чем бы ни занималась Олеся, Семен был только рад немного побыть в одиночестве. Вздохнув, он потер ладонью затылок и снова уставился в окно. Незнакомый пейзаж не вызывал ничего, кроме уныния.

И почему он не повернул обратно с самого начала, как только увидел эту сумасшедшую старуху с кошачьим трупом? Старуху с кошачьим трупом, которая к тому же откуда-то знала, что он

(торчок гнилой)

наркоман! Разве это нормально? Каким идиотом надо быть, чтобы после такого сесть в лифт и поехать дальше?

Испуганным идиотом.

Не стоило вообще сюда приходить!

Тревожный зуд вернулся, и Семен снова открыл пачку. Пять сигарет. Негусто. Если они застряли здесь надолго... Нет. Ненадолго. Какая бы чертовщина тут ни творилась, не может же все это...

Барахтаясь в загустевших обрывках мыслей, Семен все-таки убрал сигареты. Вместо них он достал из другого кармана зажигалку. Раньше она принадлежала отцу, но после его смерти хотелось иметь хоть что-то, что будет *напоминать*. Потому что, как ни крути, именно отец вытянул его из болота. Все остальное, что нельзя было унести в рюкзаке, так и осталось на съемной квартире. Судьба этих вещей Семена не волновала.

Вот бы можно было оставить там и воспоминания. О подвале, о холодных Ленкиных губах, об острых ножницах в руках мамы, метящих прямо в лицо...

Щелк.

Звук, более громкий, чем обычно, вернул его к действительности. Впрочем, краткой отключки Семен не заметил.

Просто задумался, вот и все.

Снова тряхнув головой, Семен посмотрел через окно в комнату. Диван, обитый гладкой экокожей, с которой ночью постоянно соскальзывала простыня, притягивал взгляд как магнитом. Утром, в очередной раз заталкивая край простыни в щель между диванными подушками, Семен нащупал внутри что-то шуршащее. Скучного света едва хватило, чтобы разглядеть маленький прозрачный пакетик с мелкими кристаллами. Васек и до этого сидел на солях. Семен в свое время тоже пару раз пробовал...

Пальцы, держащие пакетик, почти сразу взмокли, и Семен поспешно затолкал его обратно. Неважно, что внутри! Ему это больше не нужно.

Конечно, следовало сказать о пакетике Олесе, но он промолчал. Подумал, что тогда девушка точно поймет, кто он. Теперь ясно, что зря. Нормальный человек сразу сказал бы.

А ты разве нормальный?

Гоня прочь воспоминание о пакетике, Семен прошелся по лоджии. Снаружи громоздились шершавые прямоугольники домов с непроницаемо-темными окнами. Хмурое небо давило, вид пустынной улицы лишь подпитывал тревогу. Вроде бы ничего там и нет, ничего не видно, но... Что-то все же есть. А что именно – никак не объяснить, даже самому себе.

Тревожный внутренний зуд слишком сильно напоминал кое-что другое. Тягу к наркотику. Но он ведь сменил среду, как и учили в Центре. Уехал из той дыры. И с тех пор ни разу не прикасался...

Нет, прикасался.

Запнувшись о какую-то неосязаемую преграду внутри собственной головы, Семен снова устался на диван.

Если кто-то еще узнает о записке Васька, тебе ничего не достанется.

Осознав ход своих мыслей, Семен, вопреки привычке, яростно взъерошил волосы.

Бред, бред, бред! Никому не известно про тот пакетик в диване. И вообще это неважно! Семен никогда не притронется к этой дряни, потому что с ней покончено раз и навсегда!

Ты уверен?

Да!

Нет...

Не совсем.

Семен хотел бы быть полностью уверенным, но не мог. Не мог, пока чертов пакетик лежит прямо здесь, в свободном доступе. Сменить среду действительно важно, но смысл этого заключается в том, чтобы оградить себя от соблазна. Сколько людей срывались из-за таких вот случайных находок?

Он не станет одним из них.

Продолжая сжимать в правой руке зажигалку, Семен подошел к дивану, пошарил между подушками. Когда пальцы поймали комок полиэтилена, он быстро вытащил его и не глядя сунул в задний карман.

Выбрасывать пакетик в мусорное ведро на кухне Семен не собирался. Слишком заметно и... Бессмысленно. Какая разница, где он лежит: в диване или в ведре? Если вдруг накатит, человек полезет за дозой хоть в выгребную яму.

Смыть в канализацию – надежнее всего. Надо только подождать, пока Олеся выйдет из ванной.

Иначе она узнает.

Нет.

Узнает, что ты просто гнилой торчок. Что на самом деле ты никто.

Нет!

Вытащив руку из кармана, Семен вытер ее о штанину, будто она была испачкана в чем-то.

Олеся ни о чем не узнает.

И он не никто.

7

Единственный имеющийся в хозяйстве тазик наполнился до краев. Бегущая из крана вода отдавала какой-то серостью, и теперь мелкая пепельная взвесь оседала на дно. Она состояла из тех самых песчинок, которые Олеся заметила во время мытья посуды. Только сейчас их было больше. Такую же воду она использовала утром для кофе. Можно ли ее вообще пить?

«А есть другие варианты?»

Поразмыслив, Олеся взяла ведро для мытья пола, сполоснула и тоже поставила под кран.

Звук текущей воды напомнил, что ей нужно в туалет.

Когда Олеся спустила воду в унитазе, струя над ведром сначала истончилась, а потом и вовсе иссякла. Шума, который бывает при наполнении бачка, тоже не последовало.

«Только не это».

Она открыла кран над раковиной. Раздался короткий металлический хрип, а затем все стихло. В раковину упала пара капель чего-то напоминающего жидкую серую грязь. Олеся еще несколько раз открывала и закрывала кран. Бесполезно. Воды больше не было. Еще недавно блестящую серебристую поверхность теперь покрывал матовый налет, и каждое прикосновение к ручке крана отзывалось неприятным шершавым ощущением на коже.

Олеся перевела взгляд на тазик и ведро, заполненное на две трети. Почти половину объема ведра занимала сгущающаяся ко дну сероватая жижа.

Если бы Виктор Иванович не сказал им набрать воды, ситуация была бы еще хуже.

Но он сказал кое-что еще, и эти слова не шли у нее из головы: «Сколько нам тут...».

И правда, сколько?

Долго.

От всплывшего в сознании слова Олесю передернуло, будто по телу пропустили ток. Это был тот же самый внутренний голос, к которому она прислушивалась вчера вечером в прихожей. И он же – девушка осознала это только теперь – нашептывал те дикие мысли во время чаепития.

Интуиция? Или...

Мелькнувшая вдруг мысль о сумасшествии была сама по себе слишком безумной. Никто в их семье не страдал душевными болезнями.

Кроме тебя. Разве не ты бросила учебу в вузе только потому, что твой дед умер и больше не поможет зубрить? Разве не тебя закрыли в психушке на три недели?

Олеся обхватила запястье левой руки и сжала так сильно, что часы до боли впечатались в кожу.

Во-первых, она оказалась не в настоящей психушке, а в отделении неврозов. Во-вторых, это еще ничего не значило. Любой мог...

Нет, не любой. Разве припадки с галлюцинациями случаются у любого?

Чувствуя неприятную скованность в теле (слишком похожую на мертвую скорлупу паники, как перед появлением той черноты, как... да, перед припадком), Олеся отвернулась от ванны. Бездумно и тщательно расправила висящее на батарее махровое полотенце. Труба на ощупь оказалась прохладной, хотя в квартире холода пока не ощущалось.

Пока.

Стараясь игнорировать очередную тревожную мысль, Олеся еще раз провела пальцами по короткому ворсу полотенца, обвела взглядом стены, облицованные светло-розовым кафелем. Это по-прежнему была ее ванная комната. Ничего не изменилось. Никакого сумасшествия не было. И тем более – никаких галлюцинаций. Просто аура. Просто эпилепсия. Единичные приступы, такое бывает. Она и отключалась-то по-настоящему, надолго, всего дважды в жизни! А то, что происходит сейчас вокруг... Это другое, внешнее. И, как любое внешнее явление, оно должно иметь объективную причину. Этиология, патогенез – так ее учили в университете, а потом в колледже.

– Все наладится. Хватит паниковать! – прошептала Олеся своему отражению в зеркале над раковиной и, запоздало сообразив, что разговаривает сама с собой (*как сумасшедшая*), поспешила выйти из ванной.

На пороге гостиной нервно прохаживался Семен. Олесе не понравился его метнувшийся в сторону взгляд. Это напомнило ей о недавней вспышке раздражения в подъезде. Конечно, в нынешней ситуации любой (*любой ли?*) мог сорваться, но в начале их знакомства Семен производил совсем иное впечатление.

А ты так хорошо разбираешься в людях?

Нет. После истории с Васей ясно, что нет.

Вот именно. Семен – хороший слушатель? Да ему просто надо было где-то переночевать, вот и все. А ты растаяла, всю жизнь ему пересказала...

– Воды нет, – объявила Олеся.

Собственный голос с трудом рассек поток навязчивых мыслей, словно затупившийся нож.

Семен остановился. Его ладони поползли вверх вдоль бедер, как будто он собирался убрать руки в карманы, а потом дерганным движением скакнули выше, к поясу.

– Фигово, – наконец отозвался он, уперев руки в бока и опустив взгляд под ноги. Несмотря на омрачившееся после Олесиных слов лицо, он по-прежнему выглядел погруженным в себя. Как будто главная проблема состояла в чем-то, касающемся только его, а все остальное – так, ерунда. Это начинало бесить.

Тупой самовлюбленный...

Проклятый внутренний монолог! Когда же он прекратится!

Едва сдержавшись, чтобы не обхватить голову руками, Олеся усилием воли подавила глухое раздражение.

«Сколько нам еще тут...»

Вот именно. Семен застрял здесь так же, как и она. Это не его вина.

Тягучая неизвестность душила. Нужно было разорвать ее, чтобы действительно не начать сходить с ума.

– Есть идеи, что нам теперь делать? – с надеждой спросила Олеся.

– А у тебя?

Олеся внутренне съежилась. Неужели нельзя ответить нормально? Она привыкла, что те, к кому она обращалась за помощью – дедушка, родители, преподаватели, – всегда шли навстречу.

Здесь ты одна.

– Не знаю, – вынужденно признала она (*можно подумать, он знает!*). – Но какой-то выход ведь должен быть. Вышла же как-то та старуха.

– А с чего ты взяла, что она вышла? – в вопросе Семена сквозила легкая издевка.

– Алла Егоровна ведь сказала, что видела ее во дворе...

– А ты сама ее видела? – Семен повысил голос. – Нет? И я не видел! Извини, но, по моему, эта твоя Алла Егоровна немного того, – он крутанул пальцем у виска. – Тут и без той

бабки какая-то дичь творится! У меня от этого уже башка трещит! Я вообще не должен был тут оказаться!

На небритых щеках Семена проступили желваки. Парень с присвистом выдохнул и сильнее обычного потер затылок.

– Извини. Не обращай внимания, – он выдавил кислую полуулыбку. – Просто курево кончается, а без сигарет я... немного нервным становлюсь. Ты ведь не куришь?

– Нет.

– Вот и правильно. И не начинай, – голос Семена звучал устало. – Ладно, я пойду тогда... Попробую еще раз.

Олеся продолжала стоять посреди маленького коридора возле двери ванной, и парень, не поднимая глаз, протиснулся мимо нее в прихожую.

А ты думала, первый встречный будет нянчиться с тобой, как мать родная?

Именно так Олеся не думала, но... откуда тогда эта глупая обида на Семена?

«Тут творится фиг знает что, а я...»

Действительно, какого черта она стоит тут и рефлексивует? Сейчас есть проблемы поважнее!

Ты не в себе.

Злость на себя, на пугающий бардак в собственной голове и заодно на Семена застряла в горле кислой отрыжкой: не проглотить, не выхаркнуть.

– Думаешь, что-то изменится, если просто бегать по лестнице туда-сюда? – наконец произнесла Олеся, глядя, как Семен снова надевает ботинки.

– А что ты предлагаешь? Сидеть сложа руки?

Ответить было нечего.

Прислонившись к стене подъезда в том самом месте, где стояла до этого, Олеся следила за перемещениями Семена по лестнице.

Вниз, вниз, вниз, еще раз вниз, потом снова вниз. По кругу.

Родители всегда были против домашних животных, и Олеся с удовольствием тискала кошек и собак, когда случалось бывать в гостях у одноклассников. А у одной девочки жил хомяк. Олеся не нравился противный запах, исходивший от клетки, но иногда она подолгу наблюдала за тем, как хомяк крутит колесо.

Сейчас Семен напоминал ей этого хомяка: точно так же бежал по кругу, перебирая ногами одни и те же ступени. Но из колеса нет выхода. Сколько ни беги вперед – останешься на том же месте.

Вниз, вниз, вниз.

Шорк, шорк, шорк.

Каждый шаг Семена по капле добавлял противной, бессильной вялости Олесиным ногам. Перестань девушка опираться о стену – и они сами собой согнулись бы под весом тела.

«Что же происходит? Что же тут такое происходит?» – мысленно повторяла Олеся одну и ту же фразу, напоминающую испуганные причитания Аллы Егоровны, и никак не могла остановиться. Они все застряли в бетонном футляре одного-единственного этажа, и выхода не было. А снаружи...

Снаружи в пыльные окна подъезда слепо глядело все то же пепельное небо.

А если не слепо? Что если прямо сейчас кто-то наблюдает за ними так же, как она сама наблюдала за крутящимся в колесе хомяком? Что если для кого-то они и есть тот хомяк в колесе – глупая зверушка-игрушка?

Такое могло прийти в голову только сумасшедшему. Конченому параноику.

Слабость в ногах сменилась вязким ощущением полного бессилия, охватившим Олесю целиком: и снаружи, и изнутри. Она непроизвольно задержала дыхание, замерла, на мгновение сделавшись частью бетонной стены, такой же мертвой и неподвижной.

Из ледяного оцепенения ее вывело резкое шарканье споткнувшегося шага и низкий гул потревоженного металла.

Семен остановился на середине верхнего марша, бессильно привалившись к вздрогнувшему перилам и хватая ртом воздух. Переведя мутный взгляд на Олесю, он медленно сполз на ступеньки. Блестевшее от пота лицо было бледным.

Олеся бросилась к нему, уверенная, что ноги – мягкие, будто переваренные макароны, – подведут, но они двигались как обычно. Подскочив к Семену, она опустилась на ступеньки рядом с ним.

– Что с тобой?

– Голова... – вяло выдавил он. – Кружится...

В этот миг Олеся снова почувствовала это. Эффект калейдоскопа. Лестница под ногами качнулась, а картинка перед глазами – пятый этаж внизу и пятый этаж вверху – начала едва заметно вращаться, скручиваясь в исковерканную спираль.

– Надо уйти с лестницы! – Олеся помнила, что в прошлый раз головокружение прекратилось, как только она отошла в сторону.

Обхватив Семена за торец и закинув его руку себе на плечи, Олеся кое-как перетащила его вниз, на площадку. Тяжело дыша, оба привалились к стене рядом с дверью Олесиной квартиры и сползли по ней на пол.

– Ты как? – Олеся высвободилась из-под руки Семена.

– Ничего... – выдохнул он.

Дыхание Семена становилось тише, а окружающее их безмолвие – гуще. Они продолжали сидеть на холодном полу, вытянув ноги и уставившись перед собой. Говорить было не о чем.

Олеся вяло подумала о мелком песке на полу, о том, что он пачкает ее новые джинсы, но так и не нашла в себе сил сдвинуться с места. Что-то придавливало ее к полу, к стене, к плечу сидящего рядом Семена – что-то настолько душное, аморфное и тяжелое, что даже само намерение пошевелиться увязало в нем.

Ее охватила апатия.

Выхода нет.

Олеся позволила отяжелевшим векам опуститься.

«Это невозможно... так не может быть... просто не может...»

Выхода нет.

Живот скрутило, в желудке поднялась болезненная изжога. Так бывало всегда, когда Олеся сильно волновалась. Или боялась. Особенно перед экзаменами или контрольными. «Что самое страшное может случиться?» – спрашивал дедушка. И становилось ясно, что все это – двойка, пересдача – на самом деле не так уж и страшно. Не конец света. А сейчас...

«Что самое страшное может случиться?»

Все что угодно.

Резь в животе так усилилась, что пришлось обхватить его руками.

«Все что угодно».

Пугающая неизвестность лишала воли. Немели руки, пекло в груди. Еще немного, и дышать станет трудно. А потом по краям начнет наползать чернота.

Сделав глубокий вдох, Олеся открыла глаза. Взгляд блуждал по притихшему подъезду. Блеклый свет с улицы был все же лучше темноты под веками, маскирующей подступающую черноту.

К счастью, никакой черноты на самом деле не было. Даже боль в животе ослабла, стала тупой, ноющей. Олеся опустила руки и по привычке коснулась часов, рассматривая цифры под стеклом.

Без пятнадцати час.

«Но...»

Олеся вперилась взглядом в циферблат. Мысленно отсчитала секунды. Нет, стрелки не двигались.

«Может, если не смотреть...»

Олеся опять закрыла глаза, сосчитала до шестидесяти, открыла. Стрелки стояли на прежних местах. Даже тоненькая секундная не сместилась ни на одно деление, по-прежнему указывая на единицу.

– Ты чего? – очнулся Семен.

– Помнишь, я сказала утром, что мои часы остановились? На них была половина первого, я точно помню. А сейчас – без пятнадцати час! – Олеся вытянула руку с часами, чтобы Семен увидел. – И при этом они снова стоят.

Брови молодого человека сдвинулись к переносице, веки несколько раз быстро моргнули, убирая с глаз стеклянную пелену. Словно Семена только что разбудили и сразу заставили решать какую-то задачу.

– Думаешь, это как-то связано с... со всем, что тут творится? – наконец спросил он.

– Может быть. Не знаю. Но время на часах изменилось, это точно.

– Ты уверена?

– Да!

Выражение вялого сомнения на все еще бледном, как спросонок, лице Семена рассердило Олеся. Он готов был нарезать круги по чертовой лестнице, а когда появилась хоть какая-то зацепка, сразу усомнился!

Опираясь о стену, Олеся поднялась на ноги и снова заговорила, обращаясь то ли к Семену, то ли к самой себе:

– Мне кажется, что мы не можем спуститься по лестнице, потому что она – как колесо. В смысле, ты бежишь по ней, как хомяк в колесе, но в итоге не двигаешься с места. И кажется, что выхода нет... Но выход из колеса – не впереди, а сбоку! То есть совсем в другом месте. Может, и тут так же? Нам кажется, что мы видим лестницу, идем по лестнице, а она никуда не ведет. Что если настоящего выхода мы просто не видим?

– И где он тогда? – спросил Семен, так и не поднявшись с пола.

– Не знаю, – вздохнула Олеся, привалившись лопатками обратно к стене.

Хватит фантазировать.

Невидимое покрывало апатии снова накрывало ее. Торчать в подъезде и дальше не было никакого смысла. Все равно ничего не прояснится. Все равно...

...выхода нет.

– Пойдем отсюда, – заворочался на полу Семен, словно подслушав ее мысли.

Олеся оттолкнулась от стены и снова взглянула на часы.

– Подожди!

Она поднесла циферблат почти что к носу, поворачивая его то так, то этак. Золотистая секундная стрелка больше не указывала на единицу. Теперь она стояла ближе к тройке.

– Так, так, так, так, так... – вполголоса зачастила Олеся, незаметно для себя подражая Хлопчихину. – Что мы сейчас делали? Что сейчас было? Я сидела, потом встала... Стояла у стены... У этой стены...

Повернувшись, она коснулась ладонью стены.

– Я стояла здесь... – снова забормотала она и вдруг выкрикнула: – Идут!

От этого резкого выкрика Семен, вновь погружающийся в состояние полусна, вздрогнул, но Олеся этого не заметила. Она смотрела на свои часы. Секундная стрелка медленно – гораздо медленнее, чем должно было быть, – начала чертить круг по циферблату.

– Они идут!

Олеся сместила ладонь сперва в одну сторону, потом в другую.

– Идут... Идут...

Она отняла руку от стены, и стрелка замерла, прижала обратно – и та снова неохотно поползла.

– Из колеса есть выход... – прошептала Олеся, продолжая следить за движением золотистой стрелки по черному циферблату.

– Что? – не понял Семен.

– С этой стеной что-то не так! – возбужденно заговорила Олеся, повернувшись к нему. – Часы ходят, видишь? Надо только понять...

Не отрывая взгляда от часов, они с Семеном синхронно, словно сиамские близнецы, двигались то в одну сторону, то в другую, то выше, то ниже. Некоторое время спустя стало ясно, что часы начинают идти лишь на одном участке шириной около двух метров, внешне ничем не отличающемся от остальной стены.

– Но как-то же это работает... Должно же быть какое-то объяснение... – в отчаянии бормотала Олеся, рассматривая стену.

Бесполезно. Они смотрели на нее под разными углами и с разного расстояния, пыталиськовырять штукатурку принесенным из кухни ножом, но ничего не происходило.

– Это просто стена, – разочарованно выдохнул Семен, растеряв остатки воодушевления. – Просто долбаная стена! – Он с силой отшвырнул нож в сторону, и тот жалобно брякнул о бетон.

– Но ведь как-то оно работает! – воскликнула Олеся, сжав кулаки. – Идти по лестнице бесполезно, а здесь что-то есть, я чувствую!

Семен не отвечал. Он стоял напротив, безвольно опустив руки вдоль тела. Глаза под слегка нахмуренными бровями бессмысленно тарасились куда-то в сторону.

– Да что с тобой?! – в сердцах воскликнула Олеся. Этот взгляд (взгляд манекена, совсем как в тот раз, на кухне у Хлопчихиных) и злил, и пугал ее.

Или это было что-то другое?

Равнодушие. Ему все равно.

Но как можно быть равнодушным в такой ситуации?

Может, это ты слишком нервничаешь? Заводишься? Паникуешь? Выдумываешь какие-то опыты, строишь теории, ищешь тайный смысл явлений?

«Но ведь речь идет о...»

На что это, по-твоему, похоже?

«Ни на что это не по...»

На что похоже, когда человек себя так ведет?

– Извини, я что-то правда отключился, – очнувшийся Семен медленно ворочал языком. – Голова не соображает вообще. Сейчас бы поесть чего-нибудь...

И правда.

И правда. При мысли о еде в желудке у Олеси заурчало. Кажется, завтрак был целую вечность назад. Не считать же за еду картонное печенье Аллы Егоровны!

Олеся бросила еще один короткий взгляд на стену.

Там идут часы.

Эта часть стены определенно другая, хоть и выглядит так же.

А это значит... Значит...

Одно-единственное слово камнем ударило в висок:

ХВАТИТ.

Недодуманная мысль беспомощно затрепетала, как отрубленная конечность. Она была...
...лишней. На что похоже, когда человек погружается в лишние мысли, ищет тайные знаки и несуществующие подтексты?

На бредовые идеи. На сумасшествие. Но она не сумасшедшая! Эпилептичка, но не сумасшедшая!

– Пойдем? – На этот раз, наоборот, голос Семена заставил Олесю вынырнуть из глубокой задумчивости. Взгляд поплыл в сторону от стены. Олеся чувствовала себя плохо: снова слабость, снова тяжесть и шум в голове... Пожалуй, поесть действительно не помешает.

8

Рыжая девушка и тот парень, только уже без рюкзака.

Интересно, что у него там? Толенька успел соскучиться по настоящим вещам. Ему хотелось поскорее заглянуть в рюкзак. И в соседские жилища. Там тоже, должно быть, полно всяких вещей: новых, чистеньких, с разными запахами...

Представляя, как будет перебирать их, Толенька сильнее втягивал носом воздух, проникающий через щель в дверях тамбура. Запахи уже ослабли, но этот воздух все еще оставался другим, нездешним. Хотелось подышать им, пока еще можно.

Заглядывая в щель то одним, то другим глазом, Толенька продолжал наблюдать за новыми соседями.

Сначала тот парень ходил по лестнице. Пытался ходить. Серая Мать свернула для них ловушку, и это было даже забавно: парень никак не мог понять, что происходит. Серая Мать часто так делала. Значит, так было нужно.

Теперь они изучали стену. Рассматривали ее так и сяк, щупали, прижимались ухом, ковыряли и скребли, то и дело прикладывая к ней одну их тех маленьких штучек, которые носят на руке. Кажется, это был какой-то *механизм* (так их называла Серая Мать), но Толенька не был уверен, да и не понимал до конца, что это значит. В памяти всплывало короткое, слегка свистящее слово: *часы*.

– Ча-сы, ча-сы, ча...сы... – повторял Толенька два бессмысленных слога, беззвучно шевеля губами.

Как-то раз, давно, он уже видел такое. Видел, как другие люди изучали стену. Не эту, в другом месте. Кажется, в темные времена он и сам делал что-то подобное, но...

Нет. Этого помнить нельзя. Нельзя!

Как бы там ни было, у них ничего не получалось. И не получится. Только Серая Мать ходит сквозь стены. Только она знает, как это делается. Больше никто. Да больше никому и не нужно. Раз она привела их, значит, здесь они и останутся.

Слегка успокоившись, Толенька тихонько вздохнул.

Вот бы кто-нибудь и правда остался надолго, как он! Ведь в этот раз людей больше, чем обычно. Не только эти четверо. Есть кто-то еще, есть, он чувствует. Зачем Серой Матери столько?

Грубые ступни в серых пятнах бесшумно переступили на одном месте. В щель посмотрел правый глаз, потом левый, потом опять правый. Случайная мысль не давала покоя.

Они вместе, они разговаривают друг с другом, эта рыжая девушка и парень без рюкзака. А Толенька не разговаривал ни с кем уже давно. Да и когда разговаривал, это было недолго. Потом собеседники уходили в Колыбель или... В любом случае, недолго.

И почему никто из них не захотел спастись? Толенька не понимал этого. Всякий раз надеялся, но ошибался. И снова оставался один.

Может быть, на этот раз?..

Голоса за дверьми стихли. Новые соседи ушли и захлопнули дверь в свою квартиру. В квартиру, где они сядут и будут говорить друг с другом среди множества настоящих вещей.

А если бы ему предложили обменять все вещи – все его вещи и все те, которые только ждут своего часа, – на настоящего соседа?

Несколько минут назад Толенька не согласился бы. Теперь же он медлил с ответом.

– Это и не вопрос, – шептал он, возвращаясь в свое жилище. – Никто и не спрашивал, никто и не предлагал, значит – это и не вопрос! Значит, и думать нечего!

Чтобы отогнать внезапную тоску, приползшую словно бы из темных времен, Толенька распластал по лысому темечку высохшую ладонь и изо всех сил сжал пальцы.

– Приди, приди, приди, приди... – шептал он, зажмурившись, и пытался представить Серую Мать.

Обычно это срабатывало, но не сейчас. Кажется, она совсем не слышала его. Чем она занята? Толенька не знал, не мог знать этого, если она сама не заговаривала с ним. Вот и сейчас надо было просто подождать, и все.

Но он не мог ждать. Ноющее беспокойство, появившееся следом за тоской, гоняло его из угла в угол, из комнаты в комнату. Что-то изменилось. Что-то шло не так, как всегда. Почему их так много? Почему пришли те, из темных времен? И почему Серая Мать не замечает его?

– Часы, часы... Часы... На часах... Двадцать четыре часа... Сутки, сутки! День-ночь! Время! Люди считают время!

Он все-таки вспомнил. И испугался этого. Слишком, слишком много весточек из темных времен! И Серой Матери нет рядом...

– Не нужно, не нужно, ничего этого не нужно... – бормотал Толенька, кружа по квартире. – Только правильные мысли... Только правильные...

Губы шевелились, выговаривая привычные слова. Ноги топтали грязный пол. Руки охватывали склоненную голову. Сколько раз он уже проделывал это? Много, много раз... Но никогда с момента прекращения темных времен Толенька не чувствовал себя таким одиноким. Таким покинутым.

О, если бы он мог сейчас хоть с кем-нибудь поговорить...

9

Впервые в жизни Ангелине хотелось ударить Масю как следует. Дать пинка, чтобы летела через всю комнату. Но она, разумеется, не сделала этого. Поругалась, конечно, замахнулась веником пару раз, и все. Она ведь любила Масю, а Мася – Ангелина в очередной раз напомнила себе об этом – любила ее.

Сейчас кошка, с самого утра носившаяся как безумная по квартире, переворачивая все на своем пути, слегка успокоилась, но продолжала рыскать по углам, то и дело шипя и выгибаясь дугой. В голову к Ангелине лезли тревожные мысли о бешенстве, но из квартиры Мася никогда не выходила, а значит, и подцепить болезнь не могла. Ангелина хотела записаться на прием в ветеринарную клинику, но не сумела: телефон выдавал одни помехи. Это означало, что вдобавок к магазину придется тащиться еще и в салон связи, а после – в ветеринарку. А ближайшая, как назло, чуть ли не самая дорогая!

Стараясь не обращать больше внимания на кошку, Ангелина придирчиво осмотрела себя в зеркало. Лампа в коридоре почему-то светила слишком тускло. Как и в ванной. А еще с утра отказался работать тостер. Не такого начала выходного дня она ожидала.

Пальто, купленное в прошлом сезоне (тщательно подобранное, *приличное*), сидело вприпрыжку на рыхлом теле, хотя изначально было свободным. Очки в тоненькой золоченой оправе (не слишком броские, но и не какие-нибудь старушечьи – словом, тоже приличные) казались слишком маленькими на лунообразном лице. Собранные в жидковатый пучок волосы выглядели засаленными, хоть и были тщательно вымыты накануне.

Кор-р-рова...

Это слово произнес у нее в голове тот же голос, которым оно недавно было сказано в реальности: мерзкий, старческий. Ангелина внутренне окаменела и принялась с удвоенным

вниманием ковыряться во вместительной дамской сумке, в очередной раз проверяя, не забыла ли она чего.

Она никогда не была худышкой, но на пятом году работы в школе начала полнеть по-настоящему, болезненно и неотвратимо. К своим тридцати восьми годам Ангелина весила почти сто двадцать килограммов при среднем росте и, судя по пальто, продолжала набирать вес. Безжалостный эндокринолог, вместо того чтобы назначить нормальное лечение, выписывал какую-то ерунду и твердил одно и то же: упражнения-диета, диета-упражнения, а последний раз и вовсе предложил обратиться к психотерапевту, хотя это было уж совсем ни к чему!

И все эти диеты... Она постоянно срывалась. Когда перед тобой сидит целый класс малолетних балбесов, которых надо не только привести в чувство, но еще и чему-то научить, выматываешься до предела. Просто перестаешь соображать. И кусочек торта или шоколадка – единственное, что может помочь от полного внутреннего опустошения.

Отсюда и вес. Не ее вина, что дети теперь пошли просто неуправляемые. А еще отчетность, планы, педсоветы... Поступая на педагогический, Ангелина и предположить не могла, что работа учителя окажется такой тяжелой.

Но теперь уже ничего не изменишь. Даже переезд в другой район и смена школы не принесли никаких результатов. Осень еще не перевалила за середину, но Ангелина успела убедиться: везде одно и то же. В прошлом доме хотя бы жилось спокойно, а тут...

Шумно застегнув молнию на сумке, Ангелина прильнула к дверному глазку.

Никого.

Тогда она прислушалась, пытаясь уловить какие-нибудь звуки за пределами тамбура. Ей показалось, что на площадке кто-то разговаривает. Через несколько секунд хлопнула чья-то дверь. После этого стало тихо.

А с утра тут творился настоящий бедлам! Несколько человек (кажется, соседи по этажу) столпились в тамбуре и буквально ломались в соседнюю квартиру. И к ней тоже звонили, но она, разумеется, не открыла. Пожилой мужчина кричал что-то про лестницу, а потом зло обозвал соседку из двадцать первой квартиры пигалицей. Ангелине эта девица тоже не нравилась, но чтобы вот так... А ведь с виду приличный мужчина!

Уверившись, что снаружи спокойно, Ангелина подхватила сумку и пакет с мусором и вышла из квартиры. У дверей тамбура она еще раз прислушалась. В подъезде по-прежнему было тихо.

Мусор Ангелина по установившейся уже привычке понесла на верхнюю площадку. Кончиком указательного пальца брезгливо подцепила металлическую ручку на крышке мусоропровода, потянула на себя. Крышка не открылась. Ангелина потянула сильнее, но без толку: крышка сидела на месте, как припаянная. Слишком тонкие для ее лица губы скривились в недовольной гримасе. Теперь еще до уличной помойки тащиться! Отведя руку с мусорным пакетом в сторону, подальше от пальто, она бросила случайный взгляд влево, на дверь чьей-то кладовки, устроенной в промежутке между этажами. Из замка приглашающе торчал ключ, хотя поблизости никого не было.

В груди совершенно не к месту заворочалась тревога за чужое имущество. Пожалуй, следовало бы сказать хозяину о забытом ключе, но Ангелина не знала, чья это кладовка. Да и вообще, что она – занималась, что ли, за кладовками следить? Сами виноваты!

Тревога, как это частенько бывало, сменилась трепещущим раздражением, и Ангелина, отвернувшись, грузно зашагала вниз, к лифту.

Нажала кнопку. В шахте – ни звука. Лифт не ехал. Сломался, что ли?

Подавнее перехватив пакет, Ангелина стала спускаться по лестнице. Настроение было – хуже некуда. Ладно спуститься, но ведь потом придется подниматься обратно на пятый этаж, да еще с покупками! Подобные нагрузки ее организм переносил с трудом: дыхания не хватало, пот тек ручьем, ныли колени.

Погода за окнами подъезда тоже не добавляла радости. Все было каким-то серым, мрачным, унылым. И ни души, даже жутко становилось. Единственной, кого Ангелина мельком видела из окна сегодня утром, была та чокнутая бабка.

Это ее голос прозвучал в Ангелининой голове.

Пару дней назад они столкнулись в дверях подъезда. Бабка шустро посторонилась, пропуская Ангелину внутрь, и, когда они обе оказались в тамбуре перед лестницей, вдруг гаркнула:

– Ну кор-р-рова! Как ты в двери-то проходишь?

От такой бесцеремонности Ангелина опешила. Сердце пропустило удар, а затем заколотилось с удвоенной силой. Кровь волной прилила к щекам. Шумно вдохнув, Ангелина уже приоткрыла рот, чтобы осадить наглую бабку, но та перебила ее:

– У тебя мужик-то хоть есть, а? Как ни посмотрю, все одна ходишь!

Ангелина поперхнулась заготовленной репликой. Старуху она встречала и раньше, и та действительно частенько провожала ее взглядом – тяжелым, оценивающим.

– Ты вообще хоть разок с мужиком спала? Или целка? – Поймав взгляд выпучившихся глаз Ангелины, бабка хрипло захихикала: – Оно и видно... Хе-хе-хе... Нынче мужики худеньких любят, а ты – ну чисто свиноматка!

Это было уже слишком! Это было...

Застрявшие в горле слова никак не шли наружу. Губы сомкнулись в нитку, запечатав и без того увядший голос, а в лицо словно плеснули зловонной грязью, от которой зашипало в глазах.

– Ну чего молчишь-то, а? – бросила бабка вслед быстро удаляющейся Ангелине. – На школьников-то, небось, орешь-захлебываешься, а тут...

Не чуя натруженных за день ног, Ангелина в спешке взобралась на несколько ступенек, пересекла площадку первого этажа и вызвала лифт. Створки сразу же распахнулись, и кабина унесла ее вверх, оплеванную и никчемную со своей стыдной тайной о никому не нужном девстве.

Сумасшедшая бабка никак не могла этого знать. Но, как и любая злобная старуха (как и ее мать, царствие ей небесное!), своим ядовитым языком умудрилась угодить в самое больное место.

Спускаясь по лестнице, Ангелина искоса посматривала в окна. Меньше всего ей хотелось столкнуться в пустынном дворе с этой чокнутой. Нет, сейчас-то, если что, она запросто ответит грубиянке! Рывкнет так, что мало не покажется! Но... Стоит ли опускаться до грязной ругани? В школе и так нервы потреплют!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.